

Донна ВАНЛИР

**РОЖДЕСТВЕНСКОЕ
БЛАГОСЛОВЕНИЕ**

Донна Ванлир

Рождественское

благословение (сборник)

Серия «Свет в океане»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39292171
Рождественское благословение: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-107014-4

Аннотация

В данной книге представлена диалогия Донны Ванлир – «Рождественские туфельки» и «Рождественское чудо».

Первый роман – щемящая душу, пронзительная история богатого адвоката Роберта Лейтона, который в череде повседневных забот на пути к вершине карьерной лестницы чуть было не забыл, что значит чувствовать, любить и сострадать. Но неожиданная встреча с маленьким мальчиком Натаном Эндрюсом, чья мать тяжело больна, постепенно возвращает его к способности испытывать самые обыкновенные человеческие чувства...

Во втором романе, написанном несколько лет спустя, главным героем становится сам Натан – уже не мальчик, а подающий надежды молодой врач, переживающий тяжелую личную драму. Он безумно влюблен в пациентку отделения кардиологии Меган

Салливан, однако неизлечимое сердечное заболевание в любой момент может оборвать жизнь этой очаровательной девушки, полной энергии и надежд...

Содержание

Рождественские туфельки	6
От автора	6
Предисловие	8
Пролог	10
Глава первая	12
Глава вторая	28
Глава третья	45
Глава четвертая	67
Глава пятая	81
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Донна Ванлир Рождественское благословение

Donna VanLiere

THE CHRISTMAS SHOES

THE CHRISTMAS BLESSINGS

© Donna VanLiere, 2001, 2003

Школа перевод В. Баканова, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Рождественские туфельки

*Трою, который всегда меня вдохновляет,
поддерживает и верит*

От автора

Спасибо, Трой, что ты воодушевляешь меня на штурм новых высот. Я люблю тебя за то, что ты даешь мне мужество исполнять собственные мечты.

Благодарю Эдди Карсвелла, Билли Гудвина и других участников группы «Ньюсонг». Без вас не было бы этой книги. Ваша прекрасная песня трогает и всегда будет трогать миллионы сердец во всем мире.

Хельга Шмидт, спасибо за твое нежное сердце и за то, что ты поделилась со мной своей удивительной историей. Она изменила нас всех.

С самого начала работы над этой книгой Дженнифер Гейтс неизменно проявляла непоколебимую веру в мои силы, помогала и поддерживала меня. Без тебя ничего не получилось бы... Надеюсь, наше сотрудничество продолжится!

Дженнифер Эндерлин и сотрудники издательства «Сент-Мартинс Пресс», спасибо за ваше воодушевление и усилия, направленные на скорейший выход книги.

Эсмонд Хармсуорт (и агентство Закари Шустера Хармсуорта), Марк Максвелл и Дон Закари, благодарю вас за многие потраченные часы и неоценимую помощь.

Спасибо Деборе Чил, которая не раз перечитывала книгу и давала ценные советы.

Я благодарю судьбу за то, что в мире есть такие люди, как Эдди и Терри Карсвелл. Мы стремимся дорасти до вас... правда.

Огромное спасибо остальным помощникам, родственникам и друзьям: моим родителям, свекру Дэйву и свекрови Викки, которые всегда любили меня как родную дочь, девушкам из «Мандей найт», Винсу Уилкоксу, Брайану Смиту и сотрудникам «Тернинг Пойнт», Бобу и Данне Греш, Полу Гримшоу, а также Джорджу Кингу, Дину Дилю, Джимми Уиллеру, Джеки Марушка, Бенджи Джентри и коллективам «Реюнион Рекордс», «Провидент» и «Джайв Рекордс».

И наконец, хочу поблагодарить Бейли, моего преданного соратника по написанию книги, за то, что он всегда был рядом и неизменно поддерживал меня.

Предисловие

Наши дни

Некоторые умудряются прожить всю жизнь, не замечая маленьких чудес, что случаются с нами ежедневно, – благословений, которые посылает нам с небес Бог, заставляя улыбнуться, рассмеяться или растрогаться до глубины души, чтобы незаметно привлечь нас к себе.

Когда-то я тоже не обращал внимания на эти маленькие благословения: смех моих детей, их первые шаги, крошечные ручки, цепляющиеся за мой палец. Не замечал, как сменяются времена года, весной взрываются пышным цветом ветви кизила, а летом одеваются в густую зелень гигантские дубы, укрывая наш дом прохладной тенью. Не замечал теплых взглядов и звонкого смеха жены. Не понимал, какое это счастье – ее любовь.

Однажды вечером, когда из моей жизни ушла радость, меня коснулась Божья благодать, и я открыл глаза. Я решил написать эту историю, поделиться с вами тем, что понял, хотя должен признать: до того как это случилось, никакие истории не смогли бы достучаться до моей души.

Мы все задаем себе вопросы. Мне потребовалось немало времени, чтобы разобраться, какие из них по-настоящему важны. Оказалось, что терзающие меня «как заработать побольше денег?» и «как получить повышение?» не имеют ни-

какого смысла? Нет, нужно задумываться о другом. Например, о чем размышляют под снегом цветы. Или когда птицы заказывают билеты, чтобы лететь на юг? Чего хочет от меня Бог? О чем мечтает моя жена?

Год назад я наконец смог сложить воедино все кусочки мозаики. Я встретил юношу, который мне все объяснил. Теперь я знаю правду, потому что понял: по жизни меня вела рука Бога.

Кто-то увидит в моей истории простое совпадение – случайную встречу, ничем не примечательное пересечение двух жизней. Было время, когда я сказал бы то же самое. Еще совсем недавно никто не смог бы убедить меня в том, что Бог может изменить чью-то жизнь с помощью пары туфель. Но теперь я верю, всей душой верю.

Пролог

*Бог дал нам величайшее доказательство любви,
которое когда-либо видел мир.*

Эндрю Мюррей

Рождество, 2000 г.

В ту зиму Рождество пришло без снега, что для нашего города весьма необычно. Осень была прекрасна: теплая и солнечная. В День благодарения все еще ходили в футболках. Только с приближением рождественских каникул природа вспомнила о зиме, однако вместо снежных метелей на город обрушился невиданный ледяной шторм, покрывший все коркой льда, поваливший деревья и линии электропередач. После шторма наступил ужасный холод, а снег так и не выпал. Улицы стояли темные и хмурые, и все тщетно ждали снежного Рождества, которое призывал Билл Кросби из всех музыкальных автоматов.

Мой легковой автомобиль буксовал на заледенелом асфальте. Я сдал немного назад, развернул колеса под другим углом и во второй раз попытался взобраться на холм перед кладбищем. Примерно на половине подъема колеса вновь потеряли сцепление с дорогой и закрутились на месте. Я прибавил газу, но это не помогло. Включив нейтральную скорость, я скатился назад к подножию холма и заглушил двигатель.

С дороги мне было видно, что надгробный памятник покрыт сверкающей ледяной коркой. По краям свисали сосульки, к холодному камню примерзли сухие коричневые листья. Придется все это счищать, и только потом украшать могилу. Я решил оставить украшения в багажнике и заняться сначала уборкой.

Ветер пронизывал до костей. Я плотнее запахнул шерстяное пальто и натянул перчатки. Шапку я забыл дома, поэтому ограничился поднятым воротником. Я захлопнул дверцу машины, поежился и двинулся вверх по склону.

Подниматься в гору пешком оказалось не намного легче, чем на машине. Перед каждым шагом приходилось выбирать место, куда поставить ногу, чтобы не поскользнуться. Добравшись до парка, я увидел, что многочисленные тропинки, ведущие в разные стороны, тоже заледенели. Я приблизился к могиле, которую украшал каждое Рождество. Имя на памятнике скрывала наледь. Я принялся соскребать примерзшие листья. Вскоре луч солнца осветил дату смерти: 1985 год.

Прошло пятнадцать лет...

Глава первая

*Мы шли, молитвы позабыв,
Сквозь муки без числа.
И в сердце каждого из нас
Надежда умерла¹.*

Оскар Уайльд

Декабрь, 1985 г.

Зимой тысяча девятьсот восемьдесят пятого года первая метель пришлась на День благодарения, после чего снегопады обрушивались на город каждые две недели, добавляя всякий раз по тридцать сантиметров снега, а то и больше. Задолго до наступления главного зимнего праздника город стал похож на рождественскую открытку.

Школьные занятия в ту зиму отменяли чаще, чем за предыдущие пять лет, вместе взятые. Почти каждую неделю учительнице второго класса Дорис Паттерсон приходилось заново переписывать учебный план. За двадцать девять лет работы в школе Дорис привыкла к неожиданностям. Там, где другие видели препятствия и нарушение дисциплины, она находила новые возможности. Когда директор объявил по громкой связи, что уроки сегодня заканчиваются рань-

¹ Перевод Нины Воронель. – *Примеч. пер.*

ше обычного, учительница решила дать своим ученикам на дом какое-нибудь интересное задание в дополнение к скучным примерам и упражнениям по правописанию. Например, небольшое сочинение на тему «О чем думают под снегом цветы?» или «Когда птицы заказывают билеты, чтобы лететь на юг?». Такие вроде бы простые задания пробуждали детское воображение и давали замечательный материал для памятного альбома, где Дорис хранила лучшие образцы творчества своих учеников.

Уже пару лет Дорис подумывала о пенсии, но никак не могла решиться. В прошлом месяце она, наконец, уведомила дирекцию школы о том, что этот учебный год будет для нее последним. Муж Дорис, почтальон, вышел на пенсию четыре года назад. Он купил новенький трейлер, голубым и розовым цветами вывел на чехле запаски «Херб и Дорис», и ему не терпелось отправиться с женой в путешествия по неизведанным дорогам. Может, виной тому была нынешняя снежная зима, но в последнее время Дорис тоже потянуло в теплые края.

Дорис старалась относиться ко всем детям одинаково, и все-таки каждый год кто-нибудь из учеников западал ей в душу сильнее остальных. В тысяча девятьсот восемьдесят пятом году таким ребенком стал Натан Эндрюс – светловолосый, голубоглазый мальчик с застенчивой улыбкой. Он и раньше был склонен к задумчивости, но в последние несколько месяцев Дорис заметила, что из его взгляда исчез

былой задор. Другие второклассники без конца донимали ее жалобами: «Миссис Паттерсон, а Чарити чихнула мне на голову!» или «Миссис Паттерсон, скажите, чтобы Джейкоб не плевался в меня бумагой!». Натан же тихонько подходил к ее столу и шептал: «Миссис Паттерсон», а затем терпеливо ждал, когда Дорис обернется к нему. По сравнению с остальными детьми – шумными и хулиганистыми – серьезный и сдержанный Натан казался не по годам взрослым.

Некоторые преподаватели считали, что ученики из бедных семей непослушны, болтливы и плохо воспитаны. Дорис придерживалась иного мнения. Она знала, что родители Натана не богаты. Его отец работал простым автомехаником и, как поговаривали, едва сводил концы с концами. Тем не менее, Натан был одним из самых вежливых учеников, которых Дорис встречала почти за три десятка лет работы в школе. Это лишь подтверждало ее мнение, что хорошее воспитание зависит не от размера дома и доходов семьи, а от любви и внимания к детям.

В начале учебного года мама Натана часто вызывалась помочь Дорис в классе. Она вырезала из бумаги цифры и символы для уроков математики, писала на табличках слова для занятий правописанием, украшала класс к праздникам. При виде матери Натан каждый раз гордо и радостно улыбался. Но Мэгги Эндрюс уже давно не появлялась в школе.

А однажды в школу пришел Джек, отец Натана, и сообщил, что его жена тяжело больна: последняя стадия рака.

Неудивительно, что мальчик стал часто отвлекаться на уроках. Он был слишком маленьким, чтобы полностью осознать происходящее, и еще не понимал, что его мать умирает, но Дорис видела в его глазах знакомую тоску.

Самой Дорис было двадцать лет, когда ее мать умерла от рака, и это событие оставило неизгладимый след в ее жизни. Теперь она с болью в сердце наблюдала за тем, как мальчик протирает дырку в тетрадке ластиком, маленькой ладошкой размазывает по щеке слезы и продолжает работу. Раньше у Дорис никогда не было учеников, оставшихся без родителей, и она не знала, как вести себя, как утешить ребенка. Детей, потерявших домашнего питомца или дальнего родственника, Дорис успокаивала ласковым словом или освобождала от уроков, но она сомневалась, что это поможет в данном случае. Дорис помнила, что после смерти матери от банальных соболезнований становилось еще хуже. Иногда лучше молчать, – думала она, глядя, как Натан борется с непослушной точилкой, и молилась про себя, прося Бога согреть мальчика в своих объятиях.

Я возмущенно отшвырнул телефонную трубку. В который раз набирая номер, слышал лишь короткие гудки. Итак ничего не успеваю, никакого терпения не хватит!

– Скажет мне кто-нибудь, как работает эта идиотская система? – заорал я через открытую дверь своей секретарше.

Гвен Стивант, проработавшая со мной уже добрый де-

сяток лет, поспешила на помощь.

– Во-первых, выбери свободную линию, где не горит красная кнопка, – начала она.

– Я знаю, Гвен, – раздраженно перебил ее я. – Мне тридцать восемь лет, и я умею пользоваться телефоном. Лучше скажи, почему я без конца слышу короткие гудки!

– После набора номера нужно дождаться сигнала и набрать код клиента, которому ты звонишь, чтобы он мог оплатить счет за разговор.

Гвен спокойно продемонстрировала всю операцию от начала до конца.

Когда я пришел работать в эту фирму, телефонные счета, коммунальные услуги и офисные принадлежности оплачивались компанией как текущие расходы. Теперь все оборудование – факсы, ксероксы, телефоны – имело особый код. Скоро они закодируют даже мой пейджер. В результате простейшие действия вроде телефонного звонка превратились в многоэтапные манипуляции, чтобы фирма могла выставить клиентам счет за каждый потраченный на них пенни.

– Короче, соедини меня с Дугом Креншо! – простонал я.

Я работал в юридической фирме «Мейтерс, Уильямс и Херст» уже тринадцать лет. Как все выпускники юридического факультета, я пришел сюда с горящими глазами, полный наивного оптимизма. Тогда это была не очень большая контора, всего шестнадцать адвокатов, но мне подходило, что офис расположен в нескольких милях от дома моей ма-

тери. Пятью годами раньше от сердечного приступа скончался отец, и я хотел быть поближе к маме, чтобы приглядывать за ней. Родители жены жили всего в трех часах езды, и она очень обрадовалась, когда я устроился в эту фирму.

Мой первый рабочий день в «Мейтерс, Уильямс и Херст» начался с совещания, и мне порой кажется, что вся моя работа – одно непрерывное совещание, которое длится уже тринадцать лет. Совещания с клиентами, совещания с партнерами, совещания с адвокатами противоположной стороны, совещания с секретарями, совещания с помощниками, совещания во время обеда, телефонные совещания. По мере того как мой стол заваливали все новые дела о банкротстве, мечты о том, как мое красноречие повергает в восторг зал суда, постепенно тускнели. Поначалу я не возражал. Мне было интересно помочь владельцам небольших предприятий справиться с долгами, я искренне радовался, когда внушительная сумма их задолженности превращалась в ноль. Но с годами я превратился в «нашего специалиста по банкротствам» и окончательно осознал, что моей мечте покорить мир скандальными победами не суждено сбыться. Дела о банкротстве, если и доходят до зала суда, сводятся к скучной констатации фактов, а не к битве умов, о которой я мечтал. Справившись с разочарованием, я с еще бóльшим усердием зарылся в папки с делами, теперь уже с целью зарекомендовать себя перед коллегами. Упрочив свое положение, я сосредоточился на задаче, стоящей перед всеми молодыми юриста-

ми: за семь лет стать партнером фирмы.

Если я ставлю перед собой цель и неуклонно работаю над ее достижением, у меня все получается. Это правило работало и с женой.

Я встретил Кейт Эббот на последнем курсе университета и влюбился в нее с первого взгляда. Она недавно переехала в район, где я снимал дом на время учебы с пятью другими студентами. За книги и обучение платили мои родители при условии, что средства на все остальное – еду, одежду, жилье и старенький автомобиль – я буду зарабатывать сам. Питался я в те дни в основном макаронами с сыром или лапшой быстрого приготовления и только изредка позволял себе роскошь съесть гамбургер по скидке в близлежащем «Бургер Касл». Мой гардероб состоял из костюма, купленного родителями в честь окончания школы, трех пар джинсов, нескольких растянутых свитеров, двух рубашек, пары мокасин с дырой в подошве и едва живых кроссовок. Меня это не смущало, поскольку у всех моих соседей дела обстояли примерно так же.

Я впервые увидел Кейт, когда она выгружала из фургона какие-то коробки и старую мебель. Я сразу решил, что познакомлюсь с ней, и тут же понял, что она должна стать моей женой. Ее блестящие иссиня-черные волосы и прелестные черты лица сразили меня наповал. В ее смехе слышался нежный перезвон колокольчиков. Мы поженились, едва я окончил университет.

Как большинство выпускников, я был беден и по уши в

долгах. Пока я искал работу, Кейт трудилась в отделе маркетинга небольшой местной больницы. Ее скромной зарплаты хватало лишь на аренду крошечной квартирки, да еще иногда на бензин для сильно подержанного «плимут-чемпа». Мы оба знали, что в ближайшие пару лет придется трудно, но как только моя карьера начнет набирать обороты, мы заживем.

Когда мое положение в «Мейтерс, Уильямс и Херст» упрочилось, у нас появились деньги. Кейт предлагала остаться в той же квартирке или переехать на несколько лет в небольшой кондоминиум, чтобы начать откладывать средства на будущее. Я не согласился: как я буду приглашать в гости коллег в тесную каморку, обставленную мебелью с благотворительных распродаж? Хочешь быть успешным юристом – надо соответствовать, и мне казалось, что это правило распространяется и на дом.

Мы купили солидный кирпичный особняк в уважаемом районе и обставили его новой мебелью. Мой неприятный студенческий гардероб быстро сменили накрахмаленные рубашки, дорогие костюмы «Хартмаркс» и туфли из натуральной кожи. Старенький «плимут-чемп» я счел недостойным нового статуса Кейт, продал его за пятьсот долларов и купил ей подержанный «вольво». Она называла его «безликим», и все же он занял место в гараже рядом с моим новым «БМВ».

Оба автомобиля, дом и мебель приобретались в кредит.

А Кейт выросла в семье, где никогда ничего не покупали в долг. У ее родителей даже не было кредитной карточки, пока она не поступила в колледж. Когда карточка все же появилась, ею пользовались только при крайней необходимости, а баланс выплачивали в начале месяца. Кейт, как ни старалась, не могла понять, зачем нам нужны новейший проигрыватель компакт-дисков, магнитофонная дека, мощные колонки, дорожный видеоманитофон и огромный телевизор. Но я всегда настаивал на своем. Аппаратура была самая дорогая из той, что мы могли себе позволить, и я оправдывал покупки, говоря: «Деньги у нас есть, детей мы еще не завели, так давай побалуем себя, пока есть возможность». А когда Кейт жаловалась на то, что дом слишком велик, я напоминал ей, что скоро нам понадобятся детские комнаты.

Незадолго до пятой годовщины нашей свадьбы Кейт забеременела. Если честно, я бы подождал с детьми еще пару лет. Однако уже через несколько месяцев решил, что надо искать жилье поближе к хорошим школам.

– Роберт, до школы еще далеко, – возражала Кейт.

– Родится ребенок, вещей станет вдвое больше, и переезжать будет в два раза сложнее, – сказал я. – Надо сейчас.

Мы выставили дом на продажу и приступили к поискам нового. Некоторые мои друзья-адвокаты жили в Адамс-хилл – респектабельном районе со старыми домами. Его называли в честь Томаса Адамса, одного из первых местных жителей, который якобы приходился родственником президен-

ту Джону Куинси Адамсу, чего, впрочем, никто не проверял.

С самого начала века в этом районе селились люди, обладающие достатком и властью. Улицы Адамс-хилл прячутся в тени красных кленов и гигантских дубов, возраст которых превышает возраст самых старых жителей округа. За газонами и кустами ухаживают садовники. Дома построены из кирпича, камня или дерева, здесь не найдешь ни одной виниловой панели. Внушительные викторианские особняки, окруженные по всему периметру верандами, соседствуют с солидными кирпичными зданиями в колониальном стиле. У каждого дома своя история. Рядом с некоторыми даже стоят таблички, сообщающие год постройки здания и иную информацию, которую должны знать счастливчики, удостоившиеся чести приблизиться к входной двери. Недвижимость здесь не продают, а передают по наследству, и купить дом почти невозможно.

Поэтому когда наш агент увидела объявление о продаже особняка в Адамс-хилл, она немедленно бросилась звонить нам. У меня от волнения вспотели ладони. Даже Кейт не удержалась от восхищенной улыбки, когда нам впервые показывали дом нашей мечты. Фасад был выполнен из серого камня и светлого дерева, весь дом опоясывала прекрасная двухъярусная веранда. Приобретение такого огромного дома означало большой ипотечный кредит, но мне хотелось, чтобы Кейт могла развернуться, создавая идеальный дом для нашей растущей семьи. Как у моей матери, где каждое Рож-

дество горит огонь в камине и сверкает великолепная елка.

В фирме меня ценили, и все же время от времени я жалел, что не открыл собственную компанию, как сделали многие мои сокурсники. Они наняли по два-три помощника и весили на дверях таблички с золотыми надписями: «Юридическое бюро Джеральда Гриншо», «Адвокатская контора Кертиса Говарда», «Томас Микельсон и партнеры». Тогда, вместо того чтобы вкалывать восемьдесят часов в неделю на чужого дядю, я работал бы на себя, например на фирму «Роберт Лейтон и К». Однако менять что-либо было уже поздно, и это подтвердил наш новенький кредит на покупку дома. Я променял свободу на уверенность в завтрашнем дне.

На седьмом году службы я, как и планировал, стал партнером «Мейтерс, Уильямс и Херст». Произошло это так: меня пригласили в конференц-зал, где за длинным столом вишневого дерева в кожаных креслах восседали владельцы фирмы. Они объявили о своем решении, похлопали меня по спине, поздравляя с новым статусом, пообещали как-нибудь собраться вместе с женами и разошлись по кабинетам. Долгожданное событие обернулось двумя минутами формальностей. Вернувшись в свой кабинет, я захлопнул дверь и углубился в очередное дело о банкротстве.

Остаток дня я был так занят, что даже забыл позвонить Кейт и сообщить ей новость. А когда приехал домой, свет в окнах уже погас. Должно быть, жена, пребывавшая на седь-

мом месяце второй беременности, утомилась целый день бегать за двухлетней Ханной и легла, не дождавшись меня. Вторую беременность мы тоже не планировали. Честно говоря, я бы не спешил и со вторым ребенком. У меня не хватало времени и на Ханну, и я боялся, что не смогу стать хорошим отцом для малыша номер два... если только за счет общения с Ханной, которая и так почти не видела меня.

Ну, а Кейт, разумеется, пришла в восторг. Рождение дочери принесло ей столько радости, что я не сомневался: второй ребенок станет для нее таким же источником счастья. Роль матери давалась ей гораздо легче, чем мне роль отца. Например, мне приходилось прикладывать неимоверные усилия, чтобы разобрать лепет Ханны, а Кейт запросто вела с ней долгие разговоры.

Я открыл дверь в детскую. Меня встретил огонек ночника в виде Винни-Пуха. Подойдя на цыпочках к кроватке спящей дочери, я всмотрелся в ее лицо. Во сне она была удивительно похожа на Кейт, но стоило ей открыть глаза, как сразу становилось очевидным сходство со мной. Моя мать говорила, что в глазах Ханны горит тот же огонек, что горел у меня в детстве. Я поцеловал дочку в лобик, поднял с пола ее любимого одноглазого зайчика Бобо и положил в кроватку. Заглянув в спальню, я увидел, что жена тоже спит, тихонько похрапывая. Я понимал, что она устает, но почему-то подумалось: раньше Кейт всегда дожидалась меня с работы. Пришлось спуститься на кухню и поискать чего-нибудь съестно-

го.

В холодильнике нашлась котлета для гамбургера и немного макарон с сыром. Поставив тарелку в микроволновку, я задумался: когда уже буду питаться нормальной человеческой едой. Дожил: ем макароны, как бедный одинокий студент. Я не стал искать булку для гамбургера и приправы, чтобы не шуметь. В микроволновке забулькало, я поставил тарелку на стол остывать и налил себе молока. Сидя в полумраке за кухонным столом, поднял стакан с молоком и произнес тост за партнера Лейтона. Часы пробили десять, и я начал есть свой одинокий ужин – резиновую котлету с макаронами.

Однажды вечером, незадолго до Рождества, я приехал домой и обнаружил, что свет везде погашен, только в гостиной мерцает телевизор. Восьмилетняя Ханна и ее сестренка Лили, которой недавно исполнилось шесть, давно спали. В третий раз за неделю я приходил домой поздно: перед рождественскими праздниками у нас всегда аврал. Все работали по восемьдесят четыре часа в неделю, в том числе и я. Кроме того, утром Гвен расплакалась прямо у меня в кабинете. Она заявила, что совершенно вымоталась и больше не может, пригрозила уходом, как делала уже раз восемь в рождественский сезон, и я отпустил ее на остаток дня, зная, что утром она придет на работу в хорошем настроении, довольная тем, что смогла наконец пройтись по магазинам.

Я поставил «мерседес» в гараж и прошел в гостиную, бросив по дороге портфель на обеденный стол. Кейт, наверное, уснула на очередной серии «Я люблю Люси». Однако, к моему удивлению, она бодрствовала.

– Девочки спят? – спросил я, перелистывая стопку счетов.

– Ага.

– Как прошел день?

– Нормально. А ты как?

– Как всегда, полно работы. Сегодня отпустил Гвен домой. У нее опять был «рождественский срыв», – сказал я и по привычке направился на кухню, поискать в холодильнике остатки ужина.

Кейт пошла за мной, остановилась у стола, долго молчала, глядя на меня, и наконец проговорила:

– Я устала, Роберт.

– Иди спать. Не стоило дожидаться меня, – равнодушно ответил я.

– Нет, Роберт. Я устала от такой жизни.

Я как стоял, засунув голову в холодильник, так и замер. В глубине души я понимал, что наш брак распался уже давно, по меньшей мере год назад, но не думал, что кто-то из нас наберется смелости произнести это вслух. Логично, что первой заговорила Кейт: она всегда была сильнее меня. В прошлом году жена решила, что я завел любовницу. Какие там любовницы, если у меня и на саму Кейт не хватало времени! Вначале, засиживаясь на работе допоздна, я говорил себе,

что делаю это ради семьи, чтобы обеспечить жене и детям все необходимое, чтобы у них была надежная крыша над головой, чтобы девочки учились в лучших школах. Но постепенно понял, что мне не слишком хочется возвращаться домой и смотреть в лицо грустной действительности: мы стали чужими.

Вытащив из холодильника какую-то запеканку, я медленно достал из буфета тарелку. Я не знал, что сказать.

– Прости, Роберт, я больше так не могу, – продолжила Кейт. – Мне надоело притворяться, что у нас все хорошо. Все плохо, и уже давно. Мы живем под одной крышей, но мы чужие. Мне нужен муж, а не сосед, мне хочется большего.

Я невидящим взглядом уставился на запеканку. «Ей хочется большего, – повторил я про себя. – А я не могу дать большего. Я и так отдал ей все, что мог. Работать больше, чем я, просто невозможно». Однако вслух ничего не сказал.

– Давай посмотрим правде в глаза: ты давно нас бросил. Мы проведем вместе праздники, и все, – спокойно сказала Кейт.

Мне показалось, что объяснение далось ей без особых усилий, как будто она много раз репетировала эту сцену.

– Я не хочу портить Рождество своим родителям и твоей матери. Да и девочки страшно расстроятся, если мы разойдемся прямо сейчас. Но сразу после праздников тебе придется подыскать другое жилье.

Вот и все. Кейт постояла секунду на тот случай, если я

захочу что-нибудь ответить, но я промолчал. Она поднялась по лестнице и закрыла за собой дверь спальни.

Глава вторая

Чем больше я над этим задумываюсь, тем глубже убеждаюсь, что нет ничего более подлинно художественного, чем любить людей².

Винсент Ван Гог

Декабрь, 1985 г.

Дорис Паттерсон любила украшать класс к Рождеству. Вместе с оживленными, веселыми учениками она вырезала из яркой цветной бумаги снежинки, елочки, снеговиков и санта-клаусов, а потом обклеивала их блестками, ватой и тканью. Дорис привезла из дома полутораметровую искусственную елку, и дети увлеченно развешивали на пушистых ветках гирлянды из попкорна и клюквы, пряничных человечков и конфеты. Класс буквально звенел детскими голосами.

Перед Рождеством миссис Паттерсон всегда давала ученикам одно и то же задание: составить список подарков, которые они хотели бы получить от Санта-Клауса. Но в этом году она нарушила многолетнюю традицию. Дорис догадывалась, о чем мечтает Натан, и не могла заставить его встать перед классом и произнести вслух то, чего ему на самом деле хочется. Конечно, он отказался бы от всех подарков, лишь

² Перевод Полины Мелковой. – *Примеч. ред.*

бы мама выздоровела. Поэтому она попросила каждого второклассника вспомнить забавный случай, который приключился с ним на Рождество, и написать об этом небольшой рассказ. Дорис надеялась, что такое задание поможет Натану мысленно вернуться к счастливым дням, проведенным с мамой, и отвлечься от горя.

Когда отец Натана рассказал о болезни жены, миссис Паттерсон предложила подвозить мальчика из школы домой: школьный автобус тратил на дорогу сорок пять минут, тогда как на машине они с Натаном доезжали до его дома за пятнадцать.

– Я не могу на это согласиться, – смущенно отказывался Джек.

Но Дорис настояла на своем. Она помнила, как ей хотелось побыть с матерью несколько лишних минут. Другие учителя считали, что Дорис не обязана усложнять себе жизнь, но она с удовольствием делала крюк в пять миль, зная, что дарит мальчику лишних полчаса общения с матерью.

Обычно они ехали молча. Дорис не заводила разговор, хотя ей очень хотелось знать, о чем думает Натан. Возможно, мальчик все еще мечтает о мамином волшебном исцелении. Миссис Паттерсон тоже когда-то мечтала, что Бог прикоснется к ее матери и прогонит болезнь. Теперь она понимала: чудеса случаются не всегда и не все болезни можно вылечить. Сидя за рулем, Дорис беззвучно молилась за своего

маленького пассажира. Пусть Господь дарует ему покой... надежду... утешение.

У своего дома Натан выскочил из машины и побежал к двери. Во дворе кто-то начал лепить снеговика, но так и не закончил, оставив одинокий ком снега с руками-палочками, пластиковой бутылкой вместо носа и сосновыми шишками, заменявшими глаза. Дорожку и тротуар никто не очистил, к двери вела протоптанная в снегу тропинка. Сегодня Натан с мамой собирались печь печенье в форме санта-клаусов, чтобы угостить родных и соседей. Каждый год перед Рождеством они пекли и украшали печенье: покрывали каждую фигурку разноцветной глазурью и серебристыми сахарными шариками, а потом заворачивали в красивую подарочную бумагу.

Натан вбежал в дом и увидел, что бабушка на кухне подготавливает масло, яйца и миски для теста, а мама лежит на больничной кровати в гостиной, опираясь на подушки, и улыбается.

– Мы будем делать печенье? – крикнул он.

– Конечно, – засмеялась Мэгги, – без тебя не начинали.

– Ну, тогда пойдем скорее, – Натан потянул маму за рукав халата.

– Мне надо присмотреть за Рейчел, – указала она на детский манеж, – вы с бабушкой начинайте, а я скоро приду.

Мэгги со слезами на глазах смотрела вслед сыну, помчавшемуся на кухню. В отличие от бабушки, Натан еще не по-

нимал, что мама не придет, у нее нет на это сил.

Эвелин, мать Мэгги, переехала к ним в прошлый четверг. В тот же день в доме появилась приходящая медсестра из хосписа Сильвия и была доставлена специальная кровать для тяжелобольных. До этого Эвелин приходила только днем, но Джек попросил ее пожить у них, потому что Мэгги больше не могла заботиться о Рейчел.

Шестидесятилетняя Эвелин четыре года назад похоронила мужа, смерть которого перенесла гораздо легче, чем известие о неизлечимой болезни младшей дочери. Так не должно быть. По всем законам логики, сначала должны уходить родители. Иногда оставаясь в одиночестве, в ванной или в машине, Эвелин давала волю слезам. Она плакала о внуках, о Джеке, о красавице дочери. Плакала от боли, которая с каждым днем становилась все острее.

Мэгги прислушивалась к тому, как мать разбивает яйца о край миски и замешивает тесто, как радостно смеется Натан. Она любила смех сына. В последние месяцы мальчик притих, хотя взрослые пока не открыли ему страшной правды.

Эвелин обернулась через плечо и подмигнула дочери, потом легонько мазнула нос Натана ложкой, оставив липкий белый след, что вызвало у него новый приступ смеха. Рейчел вытянулась в манеже, чтобы разглядеть, что происходит, и тоже залилась смехом. Мэгги приподнялась на подушках и стала наблюдать за тем, как Эвелин с Натаном вырезают из теста фигурки санта-клаусов. Это ее последнее Рождество.

Мэгги не стремилась запечатлеть в памяти запах ванили и специй, смех сына и маленькой дочки. Скорее, ей хотелось как можно полнее ощущать все это, хотелось любить всей душой.

Она встретила Джека Эндрюса, когда ей было двадцать три года. Новенький «форд-эскорт» тысяча девятьсот семьдесят четвертого года, ее радость и гордость, стал издавать при торможении странные звуки, и она поехала показать его в автомастерскую «Сити Авто сервис». Обратиться туда посоветовала ей подруга из пекарни универсама «Фергюсон». Навстречу Мэгги, вытирая полотенцем испачканные руки, вышел молодой человек с небесно-голубыми глазами, которые, казалось, смотрели прямо в душу. На зеленом комбинезоне было вышито имя «Джек». Хорошее, надежное имя.

– Чем я могу помочь? – Он улыбнулся самой искренней улыбкой, которую когда-либо видела Мэгги.

Джек почти никогда не обращал внимания на тех, кто приезжал ремонтировать машины. Но когда стройная симпатичная девушка грациозно выскользнула из «форда», заправила за уши пышные темные волосы и улыбнулась, он заинтересовался ею даже больше, чем ее автомобилем.

– Кажется, у меня что-то с тормозами, – сказала она.

А спустя полгода произнесла:

– Я согласна.

Когда родился Натан, Мэгги стала работать на полставки.

Они с Джеком не хотели отдавать малыша в ясли, на попечение чужих людей. Более того, они договорились, что если не удастся составить рабочий график так, чтобы один из них всегда был дома с Натаном, то Мэгги вообще бросит работу. Это означало, что им придется жить на одну зарплату, даже не мечтая о доме в Адамс-хилл или о новой мебели. Однако оба готовы были пойти на такую жертву ради того, чтобы ребенок рос и воспитывался дома.

Когда Натану исполнилось два года, Мэгги с Джеком переехали в неказистый домик в тихом районе, отделанный алюминевыми панелями. Дому требовался ремонт: над будущей детской протекала крыша, на кухне под раковиной прогнили доски, фундамент повредили термиты и трубы нуждались в замене. Не каждая молодая пара решилась бы приобретать дом в столь плачевном состоянии, но Джек был мастером на все руки, а Мэгги с радостью помогала ему. Снимать старое покрытие она умела не хуже любого мужчины и готова была часами лежать на полу под раковиной, держа фонарик, пока Джек менял ржавые трубы. Ей нравилось наблюдать, как работает муж, и во время ремонта они провели вместе много незабываемых дней. Другие молодожены порой не знали, о чем говорить друг с другом, а Джек с Мэгги не могли наговориться. После работы друзья звали Джека в бар, но он отказывался и шел домой. Над ним подшучивали, называли подкаблучником. Джек не возражал. Больше всего на свете ему нравилось быть с Мэгги. Он любил возвращать-

ся вечерами домой и узнавать, что нового жена сделала в доме, который постепенно превратился из самого неказистого в квартале в самый нарядный.

Перед домом росли два больших вяза, а на заднем дворе высились дуб и клен. Эти деревья казались Мэгги красивейшими на свете. Она всегда мечтала жить в доме, окруженном старыми, ветвистыми деревьями, и теперь ее мечта осуществилась. Понемногу Мэгги стала вскапывать землю вокруг каждого ствола и подготавливать почву для будущей клумбы с тюльпанами и нарциссами. Потом обсадила крыльцо и подъездную дорожку выющимися флоксами, возле кустов разместила островки гвоздики, рядом с ними нашел место лилейник. Со временем вокруг дома появились клумбы с хризантемами и шалфеем, а остальное пространство заполнили анютины глазки, добавив к многоцветью садика вспышки фиолетового, розового и желтого. Каждый вечер, когда Джек приходил после работы домой, Мэгги вела сына и мужа во двор, рассказывая, какие цветы она посадила и в каком месяце они расцветут.

Когда она обнаружила, что беременна вторым ребенком, глаза Джека наполнились слезами радости. В подобные моменты Мэгги переполняла любовь к мужу. Она была безгранично благодарна Богу за Джека. Натан тогда уже ходил в детский сад, и Мэгги вернулась на полставки в пекарню, однако с рождением второго ребенка готова была оставить работу. Они знали, что снова станут испытывать нехватку де-

нег, но верили, что справятся. Джек получал в автомастерской небольшие, но честные деньги. Поскольку к тому времени он проработал в «Сити Авто сервис» уже пять лет, вскоре ему предстояло очередное повышение зарплаты, и эта прибавка молодой семье оказалась весьма кстати.

Владельцами автосервиса являлись три брата: Карл, Майк и Тед Шейверы. Сначала они так и называли мастерскую – «Три брата», но потом решили, что похоже на мафию, и сменили название на более респектабельное «Сити Авто». Предприятие было небольшое – всего два наемных работника на полной ставке: Джек в гараже и Джинни в офисе, а по субботам приходил помочь еще один парень. Майк занимался административными вопросами (он сам признавался, что не смог бы зарядить аккумулятор даже под страхом смертной казни), а Карл и Тед работали с Джеком в гараже. Шейверы были порядочные и знающие люди, и Джек многому у них научился. Братья оплачивали работникам страховку, а на Рождество дарили индейку и премию в пятьдесят долларов.

Джек ночами не спал, думая о постоянной нехватке денег. Мэгги всегда его успокаивала:

– Мало ли кому что хочется. У нас есть все, что нужно.

Когда Джек расстраивался, что его жена не может позволить себе одеваться в универмагах, а вынуждена покупать одежду на распродажах и в благотворительных магазинах, Мэгги обнимала его и говорила:

– Это неважно, Джек. Мы здоровы и счастливы. А все остальное – приятные, но не самые необходимые мелочи.

Джек сразу успокаивался. Мэгги умела читать его мысли как никто другой. Несколько лет назад он решил для себя, что, скорее всего, проведет жизнь холостяком. Теперь, вспоминая о тех днях, Джек снова и снова благодарил Бога за то, что Он направил Мэгги в «Сити Авто сервис».

Во время второй беременности жена часто испытывала неприятные ощущения в области живота, особенно после еды. Хотя во время первой беременности она ела за троих, Мэгги объясняла эти симптомы своим положением и надеялась, что после родов они исчезнут сами собой. Родилась Рейчел, однако Мэгги по-прежнему чувствовала себя плохо и наконец упомянула об этом в беседе с врачом-педиатром. Врач согласился, что это могут быть последствия беременности, и все же посоветовал обратиться к специалисту. Мэгги подождала еще месяц, и все-таки записалась на прием к гинекологу, который взял анализы и попросил прийти повторно через две недели, когда будут готовы результаты.

Она пришла на прием, держа на руках Рейчел, которой к тому времени уже пошел шестой месяц.

– К сожалению, сегодня доктор ведет прием с опозданием – все утро принимал тяжелые роды, – сказала неприветливая медсестра в регистратуре. – Присядьте.

Мэгги уселась на стул, а ее место у окошка регистратуры

заняла женщина в элегантном темно-синем костюме с дорогим кожаным портфелем в руках.

– Мне нужен доктор Найлендер, – обратилась она к медсестре.

– Он занят, – пробурчала та, не отрывая взгляд от монитора.

– Хорошо, я подожду, – произнесла женщина и внимательно посмотрела на ожидающих своей очереди пациенток.

– Долго ждать придется, – предупредила медсестра, – перед вами три человека.

– Ничего страшного, – спокойно ответила женщина в костюме, присела на свободный стул, как раз рядом с Мэгги, и положила портфель на колени. При виде новой соседки Рейчел издала громкий булькающий звук и улыбнулась.

Из окошка регистратуры донеслось громкое «Мэгги Эндрюс!».

– Как быстро! – обрадовалась Мэгги, подходя к регистратуре.

– Миссис Эндрюс, ваша страховка покрывает только часть проведенных анализов, это значит, что остальное придется оплачивать вам, – медсестра протянула в окошко распечатку.

– Я должна заплатить всю сумму сегодня? – поинтересовалась Мэгги, перекладывая Рейчел на другую руку, чтобы взять счет.

– Услуги оплачиваются в день их предоставления, – громко ответила медсестра, продолжая стучать по клавиатуре.

Мэгги пробежала счет глазами и робко спросила:

– А нельзя ли разделить оплату на несколько месяцев?

– Все услуги оплачиваются в день их предоставления, – громко повторила девушка, так что ее слова услышали все присутствующие в приемной.

– Я понимаю, – прошептала Мэгги, – но мне было бы удобнее оплачивать счет частями.

– Ладно, я узнаю, что можно сделать, – раздраженно рявкнула медсестра и со стуком закрыла окошко.

Смущенная Мэгги вернулась на свое место и стала качать расхныкавшуюся дочку.

– Должно быть, ее взяли на это место за приветливость, – с улыбкой обратилась к ней соседка. – Я здесь не впервые. Возможно, у нее сегодня плохое настроение, однако я еще ни разу не видела ее в хорошем.

Мэгги рассмеялась, и ей стало легче.

– А чем вы занимаетесь? – спросила она.

– Я внештатный сотрудник отдела маркетинга. Беседую с врачами и пациентами, анализирую новое медицинское оборудование, наблюдаю за процедурами и составляю отчеты... Меня зовут Кейт, – сказала она, протягивая руку.

– Мэгги Эндрюс.

Рейчел икнула и завозилась на коленях матери.

– Какая красавица, – протянула Кейт, восхищенная огромными сияющими глазами малышки.

– Когда у нее хорошее настроение, – засмеялась Мэгги.

– Как ее зовут?

– Рейчел.

– Надо же! Я тоже хотела назвать старшую дочку Рейчел, – воскликнула Кейт. – Мы выбирали между Ханной и Рейчел, но когда она родилась, я поняла, что она больше похожа на Ханну.

– А мне всегда нравилось имя Рейчел, – ответила Мэгги, с улыбкой глядя на дочку. – Правда, до него еще надо дорасти.

– Вы правы! – согласилась Кейт. – Сколько ей?

– Пять с половиной, – с гордостью сказала Мэгги. – И еще у нас мальчик, второклассник. А у вас сколько детей?

– У меня две девочки, – улыбнулась Кейт. – Младшая в этом году пошла в садик. Я думала, что не перенесу разлуки, – со смехом добавила она.

– Когда я в первый раз посадила Натана на школьный автобус, то проплакала все утро, – поделилась Мэгги. – А Рейчел всюду беру с собой.

В этот момент девочка, утомленная долгим сидением и уже некоторое время неуверенно хныкавшая, зашлась громким ревом.

– Простите, – извинилась Мэгги. – У нее болит животик.

– Я понимаю, – успокоила ее Кейт. – У обеих моих дочек были колики.

– А вы не думали о третьем ребенке? – спросила Мэгги, похлопывая дочку по спинке.

– Я бы с удовольствием родила еще одного, но думаю, муж

будет против.

Мэгги понравилась эта стильная, хорошо одетая женщина. Кейт не была эгоцентричной, что, по мнению Мэгги, свойственно большинству богатых людей.

– А чем занимается ваш муж? – спросила она, стараясь успокоить малютку.

– Он юрист, – погрузнев, ответила Кейт.

Внезапно Мэгги стало жаль красивую собеседницу.

– А ваш что делает?

– Автомеханик.

– Мэгги Эндрюс! – позвала медсестра, появившаяся в дверях кабинета.

– Ой, опять меня, – разволновалась Мэгги.

Рейчел все еще плакала.

– Если хотите, я могу присмотреть за малышкой, – с улыбкой предложила Кейт. – Все равно доктор не сможет уделить мне время, пока не примет всех пациенток.

Мэгги никогда не оставляла своих детей на попечение незнакомых людей, какими бы добрыми они ни казались. Неуверенно поглядывая в сторону кабинета, она промямлила:

– Что вы, мне неловко вас так обременять...

И сделала несколько шагов по направлению к двери.

– Мы здесь все знаем Кейт, – сказала медсестра, – она работает с нами уже много лет. Если вы не против, Мэгги, мы оставим ребенка с Кейт в кабинете доктора Найлендера, по-

ка он беседует с вами. Так вам будет удобнее.

– А доктор Найлендер не будет возражать? – спросила Мэгги.

– Ничуть. После приема ему все равно надо встретиться с Кейт в кабинете.

Мэгги поверила, что с новой знакомой ее дочь будет в безопасности.

– Огромное спасибо, – сказала она и вручила ребенка Кейт.

– Не за что. Как же давно я не держала на руках такую малышку!

Кейт нравилась ее работа. Платили прилично, а свободный график позволял отвозить девочек в школу и садик, справляться с делами и забирать их домой. Ей было интересно встречаться с врачами, обсуждать новинки медицинской техники и современные технологии с экспертами со всего мира; потом по результатам этих встреч Кейт составляла отчеты, давала рекомендации. Ее считали настоящим профессионалом, она умела и любила общаться с людьми, и больница год за годом продлевала ее контракт.

Оставшись одна, Кейт принялась ходить по небольшому кабинету взад и вперед, покачивая Рейчел, похлопывая ее по спине до тех пор, пока девочка не срыгнула. Когда Мэгги вышла из кабинета врача, Рейчел уже спала. Мэгги слабым голосом поблагодарила новую подругу.

– О, я получила море удовольствия, – ответила Кейт. – У

вас все в порядке?

– Еще раз большое спасибо, – выдавила из себя Мэгги и закинула на плечо сумку с детскими вещами.

– Пока, малышка, – прошептала Кейт, сжимая крошечную ручку Рейчел.

Мэгги уткнулась лицом в теплое тельце дочки, поцеловала мягкий животик и быстрыми шагами вышла из офиса. Кейт вслед ей предложила выпить вместе кофе, но Мэгги притворилась, что не услышала.

Посещение врача перевернуло все вверх тормашками. Не успела она войти в кабинет, как доктор Найлендер сообщил ей страшную новость: у нее рак яичников.

– Вы не знаете, у вашей бабушки не было этого заболевания? – спросил доктор.

– Нет. То есть не знаю.

– А другие ваши родственницы – тетя, сестра, еще кто-нибудь?

– Нет. Ни у кого ничего такого не было.

Доктор намеревался немедленно приступить к радикальным методам лечения. Опасаясь, что процесс зашел слишком далеко, он позвонил хирургу и договорился об экстренной операции. По словам доктора Найлендера, Мэгги требовалась полная абдоминальная гистерэктомия и еще две процедуры, которые позволят узнать, как сильно распространились раковые клетки.

Дома Мэгги рассказала обо всем Джеку. Он несколько ми-

нут сидел молча, прижимая к себе Рейчел, прислушиваясь к тихому дыханию дочери, вдыхая ее молочный запах. Рейчел как две капли воды похожа на мать, такая же красавица. Сердце Джека тревожно билось. Неужели эта болезнь отберет у него Мэгги? Неужели он потеряет ее?

– Что сказал врач?

– В понедельник операция.

Джек слышал стук собственного сердца.

– И сразу после этого начнут курс химиотерапии.

– А какие прогнозы? Они что-нибудь сказали?

– Ничего.

– А говорили, какие обычно шансы у таких пациенток?

– Нет.

Джек догадывался: если врачи ничего не сказали, значит, все очень плохо.

Мэгги открыла глаза и поняла, что на несколько минут забылась, уйдя в воспоминания. Она с трудом села повыше и прислушалась к разговору Натана с бабушкой, возившихся на кухне с печеньем. Когда Эвелин открыла духовку, чтобы вынуть очередную партию выпечки, в гостиную хлынул ванильный аромат. Мэгги отдала бы все на свете, чтобы стоять сейчас на кухне с ног до головы в муке и видеть, как блестят глаза сына. Она закрыла лицо руками.

– О Боже, помоги мне, – взмолилась Мэгги. – Я не хочу оставлять своих детей. Я не хочу бросать их.

Легче вытерпеть страдания, причиняемые болезнью, чем непереносимую сердечную боль. Но тут к ней подбежал Натан с блюдом свежесдобитых и покрытых разноцветной глазурью санта-клаусов, которое водрузил ей на колени.

– Нет, вы только посмотрите, какая красота! Ты настоящий кондитер! – воскликнула Мэгги, украдкой вытирая глаза в надежде, что сын не заметил ее слез.

Мальчик радостно суеился возле кровати, поднимая изголовье в сидячее положение.

– Пора делать бороды! – крикнул Натан и умчался обратно на кухню за миской с кокосовой стружкой. Потом они вместе посыпали улыбающихся санта-клаусов искрящимся кокосом, болтая и смеясь, вдавливали белые крошки в бороды.

Глава третья

*Человек рождается сломанным и всю жизнь
пытается починить себя. А Божья милость – это
его инструмент.*

Юджин О'Нил

Декабрь, 1985 г.

Перед каждым Рождеством моя мать, Эллен Лейтон, устраивала грандиозный праздник в честь украшения елки. Когда мы с братом Хью были маленькими, праздник начинался в субботу, с самого утра. Нас выманивали из постели запахи бекона и оладий, доносившиеся из кухни. Оладьи в этот день были не простые, а в форме снеговиков. После завтрака мы всей семьей садились в машину и отправлялись на ферму Джона Херли, старинного друга моего отца. Там, во владениях Джона, мы шли в лес – выбирать елку. Отец рубил выбранное дерево топором, позволяя и нам с братом сделать один-два удара. Даже тогда, когда папа обзавелся бензопилой, он всегда рубил рождественскую елку старым топором, оставшимся еще от его бабушки, чтобы не нарушать традицию. Вернувшись домой, мы с отцом принимались устанавливать елку, а Хью помогал маме принести с холодного чердака рождественские украшения и елочные игрушки, которые она собирала годами. Потом мы с братом наряжали елку, стараясь не обращать внимания на глупое поведение ро-

дителей, которые пели, танцевали и веселились, как дети.

В такие дни мама бывала счастливее, чем когда-либо. Она буквально лучилась радостью, заражая ею и отца: тот обычно начинал клевать носом в половине седьмого, поскольку вставал на работу в пять утра, но в рождественский вечер не ложился допоздна. Мамино настроение передавалось и нам, мы тоже пели и развешивали по дому украшения до тех пор, пока все гирлянды, все до единого стеклянные шары из маминых запасов не занимали свои места.

Мы с Хью выросли, папа умер, но мама по-прежнему устраивала дни украшения елки, теперь вместе с соседкой, тоже вдовой. Оставшись в одиночестве, женщины не перестали радоваться красоте главного зимнего праздника. С появлением внуков рождественские елки вновь обрели былой размах. Правда, мы уже не ездили на ферму Херли, а покупали елку на стоянке возле супермаркета. Это экономило время, а кроме того, магазинные ели были пышнее, гуще и выше тех, что приносил из леса отец.

За пару недель до Рождества мы с Кейт посадили девочек в «мерседес» и отправились к маме. Она жила все в том же кирпичном особняке, отделанном деревом, и продолжала украшать его каждое Рождество, хотя ей недавно исполнилось шестьдесят восемь. Дверной проем оплетали гирлянды из остролиста и плюща, на двери и на окнах по обе стороны висели огромные венки из еловых веток, увитые алыми бархатными лентами. На подоконниках сверкали электрические

свечи, в ветвях тисов и можжевельников прятались гирлянды мигающих фонариков. Мама украсила гирляндами даже деревья на лужайке перед домом, до которых без стремянки не добраться. Еще более высокие деревья на заднем плане служили фоном для композиции из деревянных кукол, изображающей сцену Рождества Христова.

В детстве мы с Хью всегда помогали маме расставлять фигуры. Она купила самодельных кукол много лет назад на гаражной распродаже. И хотя в родительском доме хватало ценных антикварных предметов, она всегда говорила, что дороже всего ей именно этот двадцатидолларовый вертеп. Мы с самого раннего возраста понимали, что это не просто куклы, мама каждый год объясняла нам значение Рождества Христова.

– Это самое чудесное событие во всей жизни Христа, – говорила она. – А не то, что Он воскрес из мертвых. Он ведь сын Бога, а уж Богу-то нетрудно было оживить собственного сына. Как вы думаете?

Мы с готовностью кивали.

– Нет, самое удивительное и непостижимое в жизни Христа то, что Он захотел оставить красоту небес, чтобы спуститься на Землю и жить среди людей, как обычный человек. И ведь Иисус, Царь всех Царей, захотел родиться не во дворце, а в грязном сарае. Вот что самое волшебное в жизни Христа! – восклицала мама, поворачивая Иосифа к Марии. – Вот почему Рождество такое особенное. В этот день в Виф-

лееме появился малыш Иисус – ребенок, которому суждено было прожить жизнь слуги, а не царя.

Включив установленный за спинами пастухов прожектор, освещающий ясли с младенцем, мама продолжала:

– В этом красота и чудо Рождества, и вот почему мы будем устанавливать вертеп год за годом, как напоминание. Правда же, замечательное напоминание?

И мы снова кивали.

После кончины отца маме помогал развешивать украшения ее сосед Далтон Грегори. Он же чистил от снега дорожку и подъезд к дому, хотя мама никогда не просила его об этом, и зимой тысяча девятьсот восемьдесят пятого года ему пришлось попотеть. Далтон с семьей были первыми чернокожими, поселившимися в этом районе. Произошло это двадцать лет назад. Не успели грузовики с мебелью и скарбом подъехать к дому, а моя мать уже стояла у калитки новых соседей с блюдом сэндвичей. Далтон преподавал в старших классах историю, а его жена Хедди работала медсестрой. Позже Далтон стал школьным инспектором, но, несмотря на занятость, всегда находил время помочь моей маме. Двадцатилетняя разница в возрасте не помешала им стать не просто хорошими соседями, а настоящими друзьями. Мы застали Далтона за развешиванием гирлянд на крыльце его собственного дома.

– Счастливого Рождества, Далтон! Очень красиво получилось!

– Надеюсь. Твоя мать чуть до смерти меня не заморозила из-за этих гирлянд.

– А зачем ты каждый год ей помогаешь?

– Потому что в этой жизни я боюсь только трех женщин: маму, жену и Эллен. А на Рождество – в обратном порядке!

Мама распахнула входную дверь и крикнула «С Рождеством!» так громко, что, наверное, разбудила пациентов Хедди в реанимации. Ханна и Лили подбежали к бабушке.

– А вот и мои рождественские малышки! – Мама так энергично набросилась на них с поцелуями, что девчонки завизжали и стали вырываться из ее объятий. Подойдя к забору, она поддела Далтона:

– А где твои рождественские малыши?

– Мои отпрыски никак не соберутся, – грустно покачал головой сосед. – Но я не теряю надежды, что это все же случится, и тогда ты потеряешь звание единственной несносной бабушки в квартале!

– Все равно титул первой бабушки останется за мной!

– Первой и самой шумной, – добавил, смеясь, Далтон.

– А вы с Хедди придете завтра на обед? – спросила мама.

– Нас не приглашали.

– Я же только что вас пригласила!

– Тогда приход, – ответил Далтон и помахал рукой.

Мама повела нас в дом, который в эти дни больше походил на зимний ботанический сад из-за венков, пуансеттий и гирлянд. Когда мы с Кейт вошли в тяжелую дверь вишнево-

го дерева, мама шутливо указала на ветки омелы под притолокой, под которыми положено целоваться. Чтобы избежать неловкости, мы с Кейт, не сговариваясь, чмокнули ее в щеку, каждый со своей стороны.

– Да не меня надо целовать, – возмутилась мама, – а друга друга.

Но мы уже снимали пальто, готовясь приступить к рождественским хлопотам. Впрочем, мне пришлось одеваться снова: мама отправила меня за елкой в универмаг «Фергюсон» на другом конце города.

– Там елки дорогие, но самые красивые, – инструктировала она меня, протягивая деньги. – Поезжай сначала в «Дейли». У них маленькие, но по разумной цене.

– Так куда же мне ехать? – не понял я.

– Давай в «Дейли», так будет быстрее и дешевле.

– Хорошо. Я поехал.

– Нет! Подожди! – закричала мама мне вслед. – Лучше в «Фергюсон». Терпеть не могу маленькие елки. Купи большую и красивую.

– Ты окончательно решила?

Она задумалась на секунду, взвешивая преимущества и недостатки обоих вариантов.

– Да, – наконец выпалила мама, – пушистую и высокую из «Фергюсона».

Когда я закрывал за собой дверь, она уже тащила Кейт, Ханну и Лили на чердак доставать игрушки. Потом они

осторожно разворачивали каждое украшение, а мама говорила: «Вот это мне подарил ваш дедушка на наше первое совместное Рождество» или «Это сделал ваш папа, когда был маленьким». Затем девочки показывали бабушке, какие елочные украшения сделали они своими руками с помощью Кейт.

В день, когда они занимались изготовлением игрушек, я пришел домой поздно, и обнаружил в гостиной ужасный бардак. Кейт отлично знала, что я терпеть не могу беспорядок и разбросанные вещи, и я подумал, что она нарочно оставила комнату неубранной.

Кажется, мама сразу почувствовала, что мы с Кейт в ссоре, но не хотим посвящать окружающих в ситуацию, поэтому обращалась больше к внукам.

– Что вы сейчас проходите в школе? – спросила она у шестилетней Лили.

– Мы учим про жуков, – ответила девочка, поежившись, и, оттянув горловину свитера, пожаловалась:

– Всю шею мне исколол!

– Фу, жуки! Я бы не хотела учить про жуков! – наморщила нос мама.

– Я тоже не хочу, а нам все равно рассказывают, – пожалала плечами Лили.

– Как у Роберта на работе? – спросила она у Кейт.

Они отлично ладили. Мама старалась не вмешиваться в наши дела, а Кейт ценила ее деликатность.

– Все так же. Постоянно занят, – ответила невестка, засунув голову в коробку с игрушками.

– У Гвен уже был рождественский срыв?

– Кажется, да, – засмеялась Кейт.

– А у Роберта будут выходные?

– Только один день, на Рождество, – ответила Кейт, не глядя на свекровь. – Ты же знаешь, у него всегда дел невпро-
ворот.

– Папа говорит, что у него вот такая куча дел, – пояснила Ханна, вставая на цыпочки и вытягивая руки над головой.

Мама промолчала, но наверняка решила намылить шею заносчивому эгоисту, то есть мне, когда я вернусь с елкой.

Моя мать запросто могла позволить себе домработницу, которая готовила бы еду и убирала в особняке, но категорически отказывалась прибегать к помощи наемной рабочей силы. «Хочешь сделать что-то хорошо – сделай это сама», – говорила она. Мой отец в последние годы жизни занимал крупный пост в страховой компании, и его жалование позволяло обеспечить семью всем самым лучшим, так что и после его смерти мама не испытывала ни в чем нужды. Я всегда подозревал, что она предпочитает делать все сама, потому что это отвлекает ее от тоски по мужу.

Пока готовился ужин, девочки сустились вокруг елки, развешивая полученные от бабушки гирлянды из попкорна, игрушки и мишуру. Публику развлекали Бинг Кросби, Нэт

Кинг Коул и Элла Фицджеральд. Когда все украшения были развешаны, Кейт накрыла на стол, а мама принесла тушеное мясо на блюде, по краям которого были выложены картошка, морковка и кольца лука. В дополнение к основному блюду на столе появились дымящаяся миска с зеленой фасолью, густой соус, салат с брокколи, свежие булочки и холодный чай. Почему-то в день украшения елки мама всегда готовила тушеное мясо. Подозреваю, что поводом для семейной традиции стала скидка в «Дейли» двадцать пять лет назад.

За столом говорили в основном о девочках, об их успехах в школе и в танцевальной студии. Ханна с гордостью сообщила бабушке, что ее назначили первой дублершей Клары, исполняющей главную роль в «Щелкунчике». Я предрек, что на следующий год Ханне достанется главная роль, а Кейт заявила, что мы все равно будем гордиться ею, даже если она не станет танцевать ведущую партию. Мама подыгрывала нам, делая вид, что все хорошо. Несмотря на необходимость притворяться, мне все же было приятно, что мы не нарушили мамину традицию. Когда Лили проглотила последний кусочек немецкого шоколадного торта, Кейт поднялась и стала убирать со стола.

- Не надо, дорогая, я сама уберу, – обратилась к ней мама.
- Нет-нет, я помогу.
- Только не сегодня. Лучше возьми девочек и посиди с ними возле елки. Они целый день просят тебя поиграть с ними. А мне поможет Роберт.

Кейт выскользнула из-за стола, радуясь, что больше не надо находиться в одной комнате со мной, и увела с собой Ханну и Лили.

Я собрал грязную посуду и отнес ее на кухню. Мама принялась счищать остатки пищи в измельчитель отходов, а я принес еще грязной посуды. Неожиданно она сказала:

– Что у вас с Кейт?

Я удивленно уставился на нее и пробормотал:

– Ничего особенного.

– Роберт, сколько мне лет? – спросила мама, загружая тарелки в посудомоечную машину.

– На вид – не больше сорока пяти, – попробовал отшутиться я.

– Роберт, сколько мне лет? – нетерпеливо повторила она.

– Не понимаю, почему ты спрашиваешь. Мы оба отлично знаем, что тебе шестьдесят восемь.

– И ты думаешь, я до сих пор не научилась хоть немного разбираться в людях?

– Мы слегка повздорили, – вздохнул я. – Всякое бывает. Вы с папой тоже иногда ссорились. У всех семейных пар случаются небольшие размолвки.

– Ваши с Кейт ссоры мне известны, – заметила мама, включая измельчитель.

– Даже не знаю, что тебе сказать.

– Сядь, Роберт.

– Я же помогаю тебе убирать со стола.

– Мне не надо, чтобы ты помогал. Мне надо, чтобы ты сел.

Я сел за кухонный стол, а мама поставила кофе и вернулась к посудомоечной машине.

– Я знаю Кейт не первый год и вижу, где простая ссора, а где – нечто более серьезное, – заявила она.

Крутя в руках рождественскую открытку, я пытался найти слова, чтобы поведать маме о случившемся. Это было не просто. Она любила Кейт как родную дочь, и я догадывался, что в данном случае мама не встанет на мою сторону. Слишком она честна. Я пришел к выводу, что лучше всего признаться и покончить с этим.

– Мы разводимся, – выпалил я, невидящим взглядом уставившись на открытку.

– Почему? – требовательно спросила мама, перекладывая остатки салата в стеклянный контейнер.

Если бы я знал почему.

– Не знаю.

– Не знаешь чего?

Мне с самого начала было понятно, что от мамы шутками не отделаешься.

– Я не знаю, почему мы разводимся.

– Это ведь твой брак, так что ты должен иметь хоть какое-то представление о том, почему он разрушился, – заявила она и стала раскладывать контейнеры с остатками ужина по полкам холодильника.

– Мама, я делал все, что мог, – запинаясь, проговорил я. –

Я работаю, как проклятый. Я обеспечиваю своей семье достойный уровень жизни. У нас отличный дом. У Кейт и девочек есть все, что им нужно, но ей этого мало.

Я сделал паузу, предполагая, что мама захочет что-нибудь возразить, однако она вытирала стол, не глядя на меня.

– За последние два-три года мы с Кейт стали чужими.

Мама вытащила из-под раковины чистящее средство и стала молча тереть старое пятно на столешнице, явно ожидая продолжения. Я неловко поерзал на стуле. Лучше бы она высказала все, что обо мне думает, чем заставляла вот так сидеть и мучиться.

– У нас совершенно не осталось общих интересов, – продолжил я. – Наверное, когда мы поженились, то были, так сказать, в одной лодке. Мы хотели одного и того же, имели общие цели. Но с годами все изменилось. Не знаю почему. Так у многих случается.

Мама вынула из буфета две чашки, налила нам обоим кофе и уселась напротив меня так, чтобы смотреть мне в глаза. Она всегда говорила, что глазами я пошел в отца, и теперь ее, видно, удивляло, что я веду себя не так, как он.

– Ты можешь назвать главную проблему в вашем браке? – спросила мама.

Я задумался. Мне не нравился этот разговор.

– Хм...

– Ты не знаешь, что является главной проблемой в твоих отношениях с женой? – воскликнула она. – А я знаю.

Я посмотрел на нее. Этого я и боялся. Мама никогда не ходила вокруг да около. Лучше не вспоминать, сколько раз в мои юные годы она начинала выкладывать передо мной голую и зачастую неприятную правду. С другой стороны, я всегда мог рассчитывать на ее честность и открытость. Поэтому мама не умела.

– Ваш брак разваливается, потому что ты эгоист, – заявила она.

– Спасибо на добром слове, мама, и тебя с Рождеством! – сыронизировал я, приветственно подняв чашку.

– Вы стали чужими? Да меня тошнит от этих слов! Каждый раз, когда я слышу, как люди оправдываются этой пустой отговоркой, мне хочется крикнуть им в лицо: «А что вы сделали, чтобы остаться близкими?»

– Мы перепробовали все.

– «Все» – это что? Ты приходишь домой в восемь-девять часов вечера. Работаешь по выходным. Когда ты общаешься со своей семьей?

Забавно. За все годы, что я проработал юристом, ни один судья, ни один адвокат противоположной стороны не смог положить меня на лопатки так, как это сделала родная мать. Я покачал головой, наблюдая за тем, как вздрагивает и переливается темно-коричневая жидкость в чашке.

– Так что ты сделал, Роберт? Что лично ты сделал, чтобы укрепить свой брак?

– Не знаю. Ну, например, дал Кейт все, что ей нужно.

– Все, кроме себя.

– Я дал ей...

– Ты дал ей вещи, а не себя. Ты пытался купить счастье, а это невозможно. Кейт никогда не хотела жить в большом доме или...

– Но ты же сама всегда жила в огромном доме и при этом была счастлива.

– Счастливой меня сделал не дом, а твой отец, – со значением произнесла она. – С ним я бы с радостью жила в обувной коробке. Дом тут ни при чем. Кейт не просила тебя покупать новую машину, дорогую одежду, антикварную мебель. Она не этого хотела.

– Конечно, зачем ей просить, ведь я давал ей все это до того, как она попросит, – торжествующе выдал я.

– Вот именно! – согласилась мама. – Ты сам хотел, чтобы у нее все это было. Покупать ей вещи оказалось для тебя гораздо проще, чем подарить минуту своего времени. Ты заваливал ее горами вещей, которыми отгораживался от своей семьи. Женщинам нужно не это, Роберт. Им нужно внимание. И детей не надо заваливать игрушками. Им надо, чтобы папа был рядом, играл с ними, обнимал их, смеялся с ними. Так было всегда!

Я обвел взглядом кухню, надеясь, что мама скоро закончит.

– Ты говоришь, у вас нет общих интересов? А откуда ты знаешь, какие у Кейт интересы? Да, вот скажи мне, о чем

она мечтает?

– Не знаю, – буркнул я. – Как все – чтобы дети не болели, чтобы закончили школу и...

– Это надежды, – снова перебила меня мама. – Мы сейчас говорим не о них. Так о чем мечтает Кейт?

Она ждала моего ответа, а я молчал, потому что не знал, что сказать. Мечты Кейт – ее личное дело.

– Значит, ты не знаешь, о чем мечтает твоя жена? Ты проводишь с ней слишком мало времени, чтобы спросить об этом. А может, у тебя и правда появились другие интересы? – медленно спросила она. – Другая женщина?

– Да нет у меня никого! – устало простонал я. – И никогда не было. Ну почему женщины чуть что, сразу подозревают, что у мужа есть любовница?

– Наверное, потому, что если ты не уделяешь внимания жене, то ей остается только предположить, что это внимание достается кому-то другому.

Никогда не думал, что буду обсуждать это с матерью.

– Мам, поверь мне. Нет никакой другой женщины. Даже если бы мне и хотелось завести роман, у меня просто нет времени.

– Ты прав, – кивнула она. – Прости, я не подумала. Ты слишком занят, чтобы иметь любовницу. Твоя любовница – работа.

Я уткнулся лицом в ладони.

– Ты из меня всю душу вымотала.

– Сексуальные победы дают некоторым мужчинам ощущение собственной силы.

Не обращая внимания на мои мольбы, мама продолжала рассуждать, как будто цитировала женский журнал.

– Прощу тебя, хватит! – взмолился я.

– Но ты одерживаешь свои победы не в постели.

Я уронил голову на стол.

– Ты побеждаешь на работе, маленькие домашние радости – первый шаг твоего ребенка, первый рисунок, первый визит Зубной феи – для тебя не имеют значения. А для Кейт эти ежедневные мелочи – вся ее жизнь.

Я закрыл лицо руками. Мама видела, что я не хочу ее слушать, но не умолкала.

– Ты не замечаешь этих каждодневных свершений, потому что считаешь их неважными. Тебя интересует работа, а не маленькие девочки, которые дергают тебя за брюки и называют папочкой. Тебе интересны судьбы посторонних людей, а не своих собственных дочерей.

Она остановилась, перевела дыхание и добавила:

– У меня в голове не укладывается, как ты мог с такой легкостью отказаться от своих бесценных малышей и ради чего? Ради того, что не будет иметь никакого значения на смертном одре.

Я взглянул на часы. Мне казалось, что эта словесная порка продолжается несколько часов. Последние слова матери о том, что я с легкостью отказываюсь от детей, казались неле-

постью. Я всего лишь старался быть реалистом.

– Ты куда-то торопишься? – съязвила мама.

– Нет, просто проверял, побила ли ты рекорд: ты так долго говорила, не переводя дыхания.

Она засмеялась, налила мне еще кофе и отрезала кусок шоколадного торта.

– Я больше не хочу, – попробовал отказаться я, но не тут-то было.

– Далтон и Хедди не смогут его доесть, на тебя одна надежда.

Когда она отвернулась, чтобы добавить себе кофе, я взял вилку и стал отделять от торта сладкую тягучую кокосовую глазурь.

– Не надо выковыривать самое вкусное, Роберт, – не оборачиваясь, укорила меня мама. – Ешь все подряд.

Я покорно придвинул к тарту верхний слой, подцепил вилкой кусок и отправил в рот.

– В вашей молодости все было по-другому, – проговорил я с набитым ртом. – Сейчас людям приходится сталкиваться с куда более сложными проблемами.

– С какими же? – заинтересованно спросила мама. – Власть? Престиж? Продвижение по карьерной лестнице?

После каждого вопроса она поднимала брови, ожидая от меня ответа.

– Если хочешь знать, эти проблемы стоят перед людьми с сотворения мира. Ничто не ново под луной, люди поколение

за поколением совершают одни и те же ошибки, и человечеству все труднее понять, в чем они заключаются. А иначе откуда столько работы у твоих коллег – адвокатов по бракоразводным процессам?

Глотнув кофе, я посмотрел на маму.

– Мы с Кейт уже миновали ту стадию, когда можно было что-то исправить. Все зашло слишком далеко. Я понимаю, тебе тяжело это слышать, но так случилось. Мы собирались рассказать после Рождества, чтобы не портить праздник тебе и родителям Кейт.

– Как великодушно с вашей стороны! – фыркнула мама.

– Я правда думал, как можно все исправить, однако пришел к выводу, что не стоит даже пытаться: Кейт больше меня не любит.

Я сам не ожидал, что будет так больно.

– Мне жаль, мама, но это так.

Она со стуком поставила чашку на стол.

– Чепуха! Я знаю Кейт. И знаю женщин. Она любит тебя, и ей не хватает твоей любви. Все, чего хочет от мужчины женщина, это знать, что он ее любит и не может без нее жить. Кейт кажется, что ты живешь из-за обязательств, а не потому, что она тебе нужна. Женщине необходимо чувствовать, что она дорога мужчине, что она – самая важная часть его жизни. А ты ведешь себя так, будто Кейт для тебя на третьем месте, а дети и вовсе на десятом. Ты для них стал посторонним дядей, который оплачивает кабельное телевидение.

ние и время от времени проходит через гостиную.

Мамин голос смягчился.

– Я точно знаю: Кейт все еще любит тебя, Роберт. Она не забыла, почему влюбилась в тебя, и ты сумеешь вспомнить, почему полюбил ее, только выпусти из рук то, что ты так крепко сжимаешь.

– Как все просто, да? – усмехнулся я.

– Нет, совсем не просто. Поэтому так много разводов. Проще развестись, нежели прикладывать усилия для сохранения брака. Никто не говорит, что сберечь семью легко.

Мамины глаза блеснули.

– Никто еще за всю историю бракосочетаний не напутствовал молодоженов словами: «Поцелуйте друг друга и живите без проблем и забот». Жизнь – не увеселительная прогулка. Жизнь вообще трудная штука. А как только покажется, что все понял, смотришь – тебя уже увозят в катафалке.

Я откинулся назад и заложил руки за голову.

– Мне казалось, вы с папой никогда не ссорились.

Мама расхохоталась.

– Да первые десять лет мы с ним жили как кошка с собакой! Он был упрямый, я тоже любила настоять на своем, и мы зачастую закатывали рукава по локоть, вставали в стойку и колотили друг друга до тех пор, пока кто-нибудь не устанет. Если кто-то рассчитывает, что в семейной жизни все будет происходить только так, как он хочет, то реальность жестоко его разочарует.

– Но вы в конце концов находили общий язык. У нас с Кейт это не получается. – Я уставился в пустую чашку. – Когда папа умер, тебе не пришлось сожалеть о своих поступках. Мама задумалась на минуту, а потом встала из-за стола. – Пойдем.

Она отвела меня в спальню, которую делила с моим отцом больше тридцати лет, сняла стеганое покрывало с сундука из кедрового дерева, подаренного на свадьбу ее матерью, и подняла крышку. Оттуда пахло ароматом кедра, который я помнил с детства. Порывшись в сундуке, мама вытащила небольшую коробочку. В ней, завернутая в тонкую оберточную бумагу, лежала вересковая курительная трубка с прямым длинным мундштуком. Она протянула ее мне.

– Что это? – спросил я, недоумевая.

– То, о чем я сожалею, – тихо ответила мама. – Английская трубка «Данхилл Бильярд». Твой папа всегда мечтал о такой, а я берегла ее для особого случая. Знаешь, о чем я думала, держа его за руку, когда он лежал в коме после приступа? Об этой трубке, спрятанной в сундуке.

Она взяла у меня трубку, завернула в бумагу и уложила в коробочку.

– Не знаю, для какого такого особого случая я ее хранила, ведь каждый день с твоим отцом был особенным. Каждый день.

Мама замолчала, убрала коробочку в сундук, закрыла крышку и села сверху, потянув меня за руку, чтобы я сел ря-

дом с ней.

– Роберт, всегда относись к жене и детям так, будто они особенные, – прошептала мама со слезами на глазах. – Это самое дорогое, что у тебя есть в жизни.

– Я понимаю.

– Нет, не понимаешь. Может, поймешь, когда их потеряешь. Но постарайся не потерять их, Роберт.

Она обхватила мое лицо ладонями и заговорила, глядя мне в глаза.

– Еще можно все вернуть. Ты можешь это исправить, но сначала должен исправиться сам. Бывает, что хочется изменить других, а не себя. Прежде чем требовать чего-то от Кейт, постарайся уделить ей больше своего времени, внимания, дать больше самого себя.

Мама отпустила мое лицо.

– Ни один человек не живет по-настоящему, если не отдает себя другим. Вот это ты и должен сделать. Что я всегда говорила вам с Хью на Рождество?

Я помнил это наизусть:

– Почему Иисус родился в яслях? Потому что Он в смирении своем готов был отдать жизнь за человечество. В этом смысл Рождества. – Затем я повысил голос, подражая маме: – Так, мальчики?

Она засмеялась и шутливо шлепнула меня пониже спины.

– Ну, хоть что-то вспомнил, чему я вас учила. Осталось применить к себе.

Мама выключила свет, и мы пошли вниз, однако на лестнице нас перехватила Лили.

– Бабушка, чего-то вкусенького хочется!

Мама подхватила внучку на руки и едва ли не бегом направилась на кухню, где отрезала всем, кроме меня, еще по куску торта. Я больше не мог на него смотреть.

Когда девочки доели торт и допили молоко, она сфотографировала их напоследок под елкой, и мы стали, шурша гортексом и нейлоном, собираться домой. Упаковали дочек в теплую одежду, обнялись с мамой у двери. На улице валил снег. Мама велела мне ехать осторожно и позвонить, как только доберемся до дома.

Когда мы уехали, она вернулась на кухню, закончила мыть посуду и завернула остатки торта в пленку, чтобы угостить Далтона с Хедди. Потом погасила свет на кухне и в гостиной, уселась в свое любимое кресло, которое они с отцом купили много лет назад на распродаже, и стала смотреть на елочные гирлянды, неумело, но старательно повешенные внучками. Через несколько минут зазвонил телефон – я сообщил, что мы уже добрались домой, и только после этого мама пошла спать.

Глава четвертая

Нужно идти по жизни, глядя вперед, но понять ее можно, только оглянувшись назад.

Сёрен Кьеркегор

Декабрь, 1985 г.

В понедельник день не задался с самого начала. Рано утром я должен был встретиться с очень важным клиентом, но когда уже выбегал из дома, Кейт напомнила, что я обещал отвезти Ханну в школу. Мы договорились об этом еще на прошлой неделе, чтобы Кейт могла попасть в больницу к восьми утра. Я совсем забыл.

В результате клиенту пришлось ждать меня добрых двадцать пять минут, и ему это совершенно не понравилось. Затем я получил счет из автомастерской, где мне недавно чинили тормоза. Мастерскую, находившуюся у черта на рогах, порекомендовала мне Гвен. Отремонтировали они быстро и сказали, что гарантируют качество, но при виде счета я вскипел. Они думают, если я езжу на приличной машине, то готов сорить деньгами! Они полагают, что могут вписать в мой счет свои рождественские подарки! В обеденный перерыв, вместо того чтобы поесть, я отправился в автосервис. Я им покажу, как обсчитывать клиентов! В мастерской меня встретила секретарша, и я попросил ее пригласить механика, который работал с моей машиной. Она вызвала мужчину,

на его комбинезоне было вышито имя Джек.

– Джек, – начала секретарша, – это Роберт Лейтон, и у него есть какие-то вопросы относительно ремонта его автомобиля.

– Спасибо, Джинни. Я к вашим услугам, мистер Лейтон, – вежливо обратился ко мне Джек.

По выражению моего лица он понял, что я недоволен.

– Вы обслуживали мою машину... Джек, не так ли?

– Да, Джек. Мы работали вместе с Карлом.

– Кто такой Карл? – взбеленился я.

– Один из владельцев мастерской. Он занимается «мерседесами» уже более двадцати лет.

– Полагаю, за это время он кое-чему научился, не так ли, Джек?

Бедняга морщился каждый раз, когда я произносил его имя. У меня был плохой день, но с меня взяли огромные деньги за обслуживание, и я хотел знать, за что заплатил. Я никому не позволю водить меня за нос.

– Если с вашей машиной по-прежнему что-то не в порядке, мистер Лейтон, то мы с удовольствием взглянем на нее еще раз.

– Принимая во внимание счет, который вы мне выставили, Джек, я никогда не смогу рассчитаться с вами, если вы еще раз «взглянете» на нее.

Я бросил счет на стол. Секретарша уставилась на телефон, словно мечтая, чтобы он зазвонил.

– Вы не хотите объяснить, откуда взялись эти цифры?

Джек внимательно перечитал счет, сверяя список выполненных работ с прейскурантом.

– Мистер Лейтон, здесь все правильно.

– Все правильно, Джек? – возмутился я. – Посмотрите на общую сумму!

– Наши цены гораздо ниже, чем у большинства конкурентов, – заверил меня автомеханик.

– Ниже, чем у конкурентов? Двести семьдесят пять долларов за ремонт передних тормозов? В автосалоне обошлось бы дешевле!

Джек переминался с ноги на ногу, а Джинни начала рыться в ящике стола.

– У вашего «мерседеса» вышли из строя оба передних тормозных диска, – стал объяснять Джек. – Мы сняли их, вычистили тормозной механизм и поставили новые. Иногда бывает достаточно проточить диски, но в вашем случае это было невозможно: слишком сильно они деформировались. И мы бесплатноотрегулировали развал-схождение колес.

– Ах вот оно что! – Я развел руками. – Если бы я знал, то не поехал бы в такую даль разбираться.

Джинни залезла головой в ящик, а Джек сделал глубокий вдох и еще раз попробовал меня успокоить.

– Если при торможении вы по-прежнему ощущаете вибрацию, то можете оставить машину, и мы все исправим.

– Большое спасибо, – отрезал я, вырывая из его рук зло-

счастный счет. – Как я уже говорил, ваши услуги мне не по карману. Вы, наверное, решили, что раз на дворе Рождество, то можно поднимать цены, как вам заблагорассудится, особенно если у человека приличная машина...

Уже в дверях я обернулся и добавил:

– Кстати, Джек, не забудьте передать Карлу, что я к вам больше ни ногой.

И с грохотом захлопнул за собой дверь.

Сильвия проверила пульс Мэгги и осторожно погладила исхудавшую руку, лежащую поверх одеяла. Она посмотрела на фотографию, стоявшую на каминной полке.

В этой хрупкой, истощенной женщине лишь с большим трудом можно было узнать жизнерадостную красавицу на снимке. Потом Сильвия поменяла капельницу и аккуратно помассировала руки и ноги пациентки. Массаж не входил в ее обязанности, но Сильвия считала, что ласковые прикосновения бывают нужнее, чем лекарства. Рыжеволосая медсестра была старше Мэгги на десять-пятнадцать лет и обладала добрым, чутким нравом. Мэгги она очень нравилась.

– Спасибо, Сильвия, – с улыбкой проговорила она.

У Сильвии бывали разные пациенты. Некоторые из них яростно сопротивлялись смерти до самого конца: пинались, кричали, метались на постели. Но бывали и другие, которые хотя и огорчались предстоящей разлуке с близкими, но смотрели в лицо смерти без страха и встречали неизбежный ко-

нец со странным спокойствием... будто зная что-то. Такой была Мэгги.

– Не за что, малышка. Как ты себя чувствуешь? – спросила Сильвия, заранее понимая ответ.

– Хорошо.

Медсестра знала, что больные на последней стадии рака яичников не могут чувствовать себя хорошо.

– А ты не обманываешь меня, а? – поддразнила она Мэгги. – Не люблю, когда говорят неправду.

– Мне хорошо. Правда.

– Ой, чуть не забыла! – воскликнула Сильвия и кинулась к своей сумке. – Вчера вечером я кое-что нашла. Смотри, это цвета Рождества.

Она сняла с лысой головы Мэгги синий шарф и повязала вместо него новый, красно-зеленый, расправив концы так, что они спадали по плечам.

– Ах, как красиво! Глаза просто заиграли. Сейчас принесу зеркало, посмотришь.

– Спасибо, Сильвия, – сказала Мэгги, улыбаясь своему отражению. – Вчера мне приснилось, что у меня снова есть волосы.

– Да ты что? – засмеялась Сильвия. Другим ее пациенткам тоже снились такие сны.

– Только во сне они были длинные и рыжие, как у тебя, – добавила Мэгги. – Я ехала в кабриолете, а волосы развевались на ветру...

Мэгги запнулась, вспомнив, что у нее больше никогда не будет длинных волос и она никогда не сядет за руль машины с открытым верхом. Сильвия погладила ее по щеке.

К кровати притопала Рейчел и потянулась к маме.

– На ручки, – потребовала она.

Девочка часто просилась к маме, чтобы та погладила ее по спинке или пощекотала ладошки. Поначалу Эвелин беспокоилась: Рейчел будет вертеться и может сделать Мэгги больно. Еще больше она волновалась, когда Сильвия устанавливала капельницу: вдруг Рейчел вырвет иглу. Эвелин пробовала отучить девочку от привычки забираться к маме на кровать, но та проявляла настойчивость. Тогда вмешивалась Мэгги:

– Ничего, пусть посидит.

Довольная Рейчел прижималась к маме и замирала.

– Ладно, крошка, – Сильвия подняла девочку на кровать. – Садись рядом с мамочкой.

Мэгги обняла дочку и начала рассказывать сказку про Золушку и прекрасного принца.

Сильвия отметила что-то в медицинской карте и стала собираться домой.

– До завтра, – попрощалась она с Эвелин.

– Спасибо, Сильвия, – ответила та, провожая медсестру к выходу.

– До свидания, Мэгги, – крикнула Сильвия. – Пока, крошка Рейчел!

Эвелин закрыла дверь за медсестрой, всеми силами ду-

ши желая не видеть ее ни завтра, ни послезавтра, никогда. Участвовавшие посещения Сильвии означали, что Мэгги становится все хуже. Скоро наступит день, когда она не сможет ухаживать за дочерью сама, и Сильвия будет находиться с Мэгги постоянно: давать лекарства, мыть, водить в туалет. Убирая в ванной, Эвелин отгоняла эти мысли. Через открытую дверь она слышала, как Мэгги рассказывает Рейчел сказку за сказкой. Девочка готова была сидеть так вечно. В конце каждой истории она трогала Мэгги за лицо и просила: «Еще, мамочка». И Мэгги вновь пускалась в описание захватывающих приключений Белоснежки, олененка Рудольфа или Иосифа с Марией. Рейчел сидела тихо, как мышка, пока не раздался шум подъехавшего автомобиля.

Когда Мэгги слегла, Джек стал приезжать на обед домой. Он не укладывался в отведенный для обеденного перерыва час, но владельцы сказали, чтобы Джек не волновался и обедал дома, даже если на это потребуется два часа. Раньше, когда «Сити Авто сервис» только открылся, зимой бывало много работы, потому что все меняли летнюю резину на зимнюю, однако в последние годы большинство автомобилистов пересели на внедорожники, и клиентов в декабре стало меньше. Джек теперь видел Мэгги и в середине дня.

– Папочка! – восторженно закричала Рейчел.

Джек прошел в комнату, поднял дочурку на руки и поцеловал в лобик. Усадив ее обратно, наклонился поцеловать жену.

– Как ты?

– Хорошо. Совсем неплохо.

Появившаяся из ванной Эвелин взяла Рейчел на руки.

– Кто хочет обедать?

– Я! – крикнула малышка, ткнув себя пальцем в грудь.

Эвелин опустила внучку на пол и пошла доставать из духовки противень с мясным рулетом. Отрезав несколько толстых ломтей, она сделала Джеку огромный сэндвич с горчицей, положила ему на тарелку две большие ложки картофельного салата и налила стакан холодного чая. Затем, проявляя чудеса дипломатии, уговорила Рейчел проглотить несколько ложек картофельного пюре с яблочным соусом и уложила ее спать, несмотря на отчаянное сопротивление.

– Днем ее просто не уложишь! – вздохнула Эвелин, когда девочка наконец заснула. – Интересно, в кого это?

Она лукаво взглянула на Мэгги. Когда та была маленькой, Эвелин приходилось чуть ли не привязывать ее к кровати.

Напевая себе под нос, Эвелин заканчивала мыть посуду, как вдруг услышала голос Мэгги:

– Мам, чем ты сейчас занимаешься?

– Прибираюсь.

– Можешь подойти на минутку?

Эвелин уронила мочалку в мойку и бросилась в гостиную. За последние несколько недель она научилась мгновенно реагировать на просьбы дочери. Иногда боль становилась невыносимой, и Мэгги умоляла скорее дать ей лекарство, но

в основном такое случалось до посещения Сильвии, а не сразу после ее ухода.

– Что случилось? – спросила она.

– Я просто хотела поговорить с вами, пока дети не слышат.

Эвелин опустилась на диван рядом с Джеком, и оба выжидающе посмотрели на Мэгги.

– Я должна сказать вам одну очень важную вещь, – начала она.

Джек отставил тарелку и подошел поближе.

– Какую, Мэгги?

– Я сегодня рассказывала Рейчел сказки, и мне пришла в голову одна мысль. Я поняла, что мне надо поделиться ею с вами обоими, чтобы вы напомнили друг другу при случае.

– И что же ты хочешь нам сказать? – спросила Эвелин.

– Когда Рейчел будет выходить замуж, не заставляйте ее надевать мое свадебное платье.

Джек и Эвелин переглянулись.

– Что? – изумленно выговорил Джек.

– Не заставляйте Рейчел надевать мое свадебное платье.

– И ради этого ты напугала меня до полусмерти? – воскликнула Эвелин.

– Да, – слабо улыбнулась Мэгги. – Для меня это важно. Обещайте, что через двадцать два года не забудете о моих словах. Не надо настаивать, чтобы на своей свадьбе она в память обо мне надела мое платье. Может, оно ей не понравится или не пойдет. Пусть наденет то, что захочет, и будет

счастлива в этот день. Пообещайте мне.

– Обещаю, – посмеиваясь, сказал Джек.

– Мама?

Эвелин скрестила руки на груди. Ей было невыносимо даже думать о смерти дочери, тем более говорить. И она не видела в этом ничего смешного.

– Знаешь, мне не нравятся такие разговоры, – медленно проговорила Эвелин. – И я, скорее всего, не доживу до того дня, когда Рейчел будет выходить замуж.

– Ну, я-то уж точно не доживу, и потому мне хотелось убедиться, что никто из вас не заставит Рейчел идти под венец в старомодном наряде.

– Ладно! Ты же не надевала мое свадебное платье, так зачем мне заставлять Рейчел надевать твое?

– Что ж, я рада, что мы договорились, – засмеялась Мэгги, хотя видела, что матери не смешно.

– Я уж боялся, что мне придется разнимать вас, – сказал Джек и понес тарелку на кухню. Ему тоже было не до смеха.

Мэгги видела, что мать не на шутку разволновалась. Эвелин встала, но дочь остановила ее.

– Подожди, мама, я не хотела тебя расстраивать.

Эвелин похлопала ее по плечу.

– Я не расстроилась. Просто надо помочь Джеку. – И двинулась в сторону кухни.

– Мам, ну что ты? Посмотри на меня, я не могу бегать за тобой по всему дому. Что не так?

Эвелин вздохнула, пытаясь справиться с эмоциями.

– Я и представить себе не могла, что нам придется говорить о таких вещах, – начала она, едва сдерживая слезы. – Мне бы очень хотелось, чтобы Рейчел вышла замуж в твоём платье, но только если она сама захочет его надеть.

Джек сгорбился над плитой. Он знал, что этот момент неизбежен, но не мог заставить себя говорить о смерти жены, о том, что Мэгги не сможет пойти на школьные соревнования, спектакли, футбольные матчи, выпускные вечера, вступительные экзамены и свадьбы. Собравшись с духом, Джек вернулся в гостиную и сел на стул рядом с кроватью жены.

– Послушайте, – сказала Мэгги, пристально глядя на Джека и на мать. – Мы все понимаем, что Рейчел слишком мала, чтобы запомнить меня.

По щеке Эвелин медленно скатилась слеза.

– Это так, мама. Тут ничего не поделаешь. Но мои вещи не заменят ей меня. Я хочу, чтобы Рейчел как можно больше узнала обо мне. О том, почему я полюбила ее папу. О том, как я чуть не плакала, когда чужие люди, увидев ее у меня на руках, говорили: «Какой красивый ребенок!» О том, что я каждый день благодарила Бога за нее. Я хочу, чтобы она знала и помнила это.

Джек смотрел в пол.

– Ты сделаешь это, мама? Ты расскажешь Рейчел, какой я была?

Эвелин вытерла слезы и кивнула.

– Да, – убежденно произнесла она. – Я сделаю это с радостью.

В душе Эвелин знала, что никогда не сможет говорить о своей дочери в прошедшем времени. Ей хотелось обнять Мэгги, как в детстве, утешить и сделать так, чтобы все стало хорошо.

В последнюю неделю перед рождественскими каникулами город еще сильнее засыпало снегом. За много лет работы в школе Дорис поняла: не стоит даже надеяться на то, что ученики смогут сосредоточиться на занятиях, когда до праздника остаются считанные дни. Раздав второклассникам кексы с красной и зеленой глазурью, она попросила детей по очереди прочитать свои рассказы о самом интересном рождественском событии.

Джошуа рассказал, как слепил самого большого снеговика во всем квартале, а какой-то нехороший человек пришел ночью и снес снеговика голову, которая разлетелась на бесчисленное количество кусочков, и младшая сестренка Джошуа плакала целых три дня. Алиса поведала историю о том, как ей подарили на Рождество чудесного щеночка, и он сходил в туалет прямо на мамин новый диван.

Патрику на всю жизнь запомнилась поездка в резиденцию Санта-Клауса. Там он увидел, как упаковывают подарки, а потом грузят на сани, в которые впрягают настоящего оленя. Ему даже разрешили погладить оленя, и оказалось, что тот

пахнет какашками. Это сообщение спровоцировало у восьмилетних слушателей приступ смеха.

Десмонд любил на Рождество ездить в гости к своим бабушке с дедушкой и до отвала наедаться сливочной помадки, пока не заболит живот.

Тайлер на прошлое Рождество не спал до четырех утра и обнаружил Санта-Клауса, который вошел в дом не через дымоход, как положено, а через дверь черного хода. Тайлер утверждал, что успел даже сфотографировать Санту на месте преступления, но не смог найти снимок, чтобы показать одноклассникам. Все страшно расстроились.

Натан прочел коротенькое сочинение о том, как однажды на Рождество они с папой и мамой катались на санках, а потом ели курицу и яблоки в тесте, и еще папа с мамой танцевали. Закончив, Натан тихо сел на место и слизнул с упаковки от кекса остатки цветной глазури.

Дорис смеялась и хлопала в ладоши после каждого рассказа. Потом пришла ее очередь. Она вспомнила, что в восемь лет бабушка подарила ей на Рождество пару туфель, украшенных блестящими розовыми бусинками. Дорис надела их и весь вечер кружилась и танцевала, чувствуя себя сказочной принцессой, пока наконец не заснула у дедушки на коленях. На следующее утро она проснулась в своей кровати... по-прежнему в туфлях. «И тогда я подскочила и снова принялась кружиться и танцевать! – воскликнула Дорис, и дети засмеялись. – Никогда в жизни я не чувствовала себя такой

особенной».

Затем учительница вместе с учениками спела несколько рождественских песенок и в качестве предпраздничного подарка показала ребятам мультфильм про Рудольфа – красного оленя. В конце дня детвора с радостным визгом ринулась к шкафчикам в углу класса, где висела их верхняя одежда. Дорис помогла им надеть теплые куртки, пушистые шапки, шарфы, сапоги и варежки. Каждый полностью одетый ребенок стал походить на толстого пестрого гусенка. Рассадив детей кого в автобус, кого в машину родителей, Дорис подумала, что ни с одним классом ей не было так весело и легко. Весь день царило веселье, Дорис не могла припомнить, чтобы такое случалось раньше. Может быть, причиной тому стало осознание, что это ее последний год в школе, а может, сам Господь наполнил ее класс смехом и песнями, чтобы помочь одному из детей хоть ненадолго позабыть о страшном горе. Так или иначе, Дорис благодарила Бога за этот замечательный день.

Глава пятая

*Вера – не рациональное понимание, это
осознанное доверие Высшему существу тогда, когда
не видно пути.*

Освальд Чемберс

Декабрь, 1985 г.

К Джеку, возившемуся с карбюратором, подошли Карл и Тед.

– Как дела, Джек? – начал Тед, засунув руки в карманы.

– С этим почти закончил, Тед. Что-нибудь нужно?

– Нет, ничего, – ответил за брата Карл и сложил было руки на объемистом животе, но затем тоже засунул их в карманы. – Просто хотели сказать тебе, что мы тут поговорили и решили... в общем, тебе необязательно пока приходить в мастерскую.

Карл смущенно поскреб лысину, вернул руку в карман и продолжил:

– Сын Теда как раз приехал на каникулы, пусть поработает с нами. Мальчонке не мешает немного запачкать руки после сидения за партой.

Джек уставился в разобранный двигатель, не зная, что сказать. Он не раз встречал таких людей, которые хоть и не могли целиком снять ношу с твоих плеч, но считали себя обязанными облегчить ее. Братья Шейверы старались как

могли, помочь ему справиться с надвигающимся несчастьем.

– Спасибо, я отработаю, – пробормотал Джек, опустив голову.

– Мы знаем, – точно так же не поднимая головы, ответил Карл, – но не нужно.

– Насчет зарплаты не волнуйся, – добавил Тед. – Майк будет высылать тебе чек каждую неделю.

Джек судорожно подыскивал слова благодарности. Ему собирались платить за работу, которую он не сделает.

– А теперь дай-ка я сам разберусь с этим агрегатом, – сказал Тед, – а ты езжай домой.

Джек хотел что-то сказать, но Тед уже нырнул под капот, а Карл молча ушел по своим делам. Джек вымыл руки, переоделся и поехал домой, чтобы провести с женой ее последнее Рождество.

Натан удивился и обрадовался, застав папу дома. Мальчик раздал всем сладости, полученные в школе: шоколадные снеговики и леденцы в виде снежинок. Затем повесил в изножье маминой кровати картонную елку и стал скотчем приклеивать к перилам снежинки, которые вырезал в классе под руководством Дорис. Подошла Рейчел и, заливаясь смехом, сорвала снежинку.

– Нельзя, Рейчел! – завопил Натан, выхватывая обрывки снежинки из липкого кулачка сестры. – Не трогай!

Малышка шустро перебежала к другому краю кровати, оторвала еще одну снежинку и вновь радостно рассмеялась,

увидев, как рассердился старший брат.

– Ты все испортишь, – крикнул тот и оттолкнул Рейчел. – Прекрати!

Джек подхватил на руки собиравшуюся заплакать дочку и перевернул ее вверх ногами. Та завизжала от восторга.

– Натан, нельзя обижать девочек, – отчитал он сына.

– Рейчел порвала мои снежинки! – обиженно выкрикнул Натан.

– Не волнуйся, ты очень красиво все украсил, как в сказке, – заверила его Мэгги.

Пока все были заняты в гостиной, Эвелин успела упаковать подарки на кухонном столе. Теперь она должна под предлогом похода в магазин увести детей. Скоро появится Сильвия и введет Мэгги новую дозу лекарства, которое поможет справиться с усиливающейся день ото дня болью. Дети не замечали этой уловки взрослых, а если не хотели идти, Джек говорил Натану: «А кто же поможет бабушке?» И Натан бросался в прихожую одеваться, а за ним семенила Рейчел.

Вечером, после ужина, когда посуда уже была вымыта и убрана, Джек помог Мэгги сходить в ванную. От лекарств она испытывала многочасовые приступы тошноты, которые заканчивались рвотой и еще большей слабостью. В таких случаях Мэгги жестом давала понять Джеку, что ей плохо. Тогда он опускал ее ноги с кровати и помогал подняться. Мэгги хотя и очень ослабла, но все еще могла передвигаться,

опираясь на мужа. В ванной комнате Джек обхватил жену и держал, пока ее рвало в раковину. Затем, придерживая Мэгги одной рукой, ополоснул умывальник и отвел ее обратно в комнату, уложил в постель и заботливо подоткнул со всех сторон одеяло. Мэгги казалось, что ее муж – самый сильный мужчина на свете.

Когда Мэгги снова устроилась в кровати, вся семья собралась вокруг нее, чтобы посмотреть по телевизору мультфильм «Рождество Чарли Брауна». Все получили огромное удовольствие, но громче всех смеялась Рейчел, которая обожала Снупи.

– Это моя самая любимая рождественская история, – сказала Эвелин, поднимая на руки внучку.

При этих словах Натан спохватился, вспомнив, что в школьном рюкзаке лежит его собственная рождественская история. Эвелин стала наливать воду в ванну, чтобы искупать Рейчел, а Натан присел рядом с мамой, чтобы прочесть ей свое любимое рождественское воспоминание.

– Миссис Паттерсон сегодня вызывала всех по очереди, и мы читали вслух свои сочинения, – гордо сообщил он родителям. – Тайлер сфотографировал, как Санта-Клаус заходит в дом через дверь, а снеговика Джошуа кто-то оторвал голову.

– Ох, как это ужасно, – улыбнулась Мэгги.

Натан открыл тетрадку и начал читать: «Мое самое любимое Рождество было, когда мы с мамой и папой катались

на санках на ферме Уитмена. Папа свалился с санок, потому что мы сидели втроем, и мама смеялась всю дорогу до самого низа горки. Потом мы ели курицу, яблоки в тесте и пили горячий шоколад, а папа с мамой танцевали вокруг елки».

Мэгги сочинение сына очень понравилось. Она с улыбкой смотрела на неровные, но очень старательно написанные буквы. Похвалив Натана за хорошую память, она задумалась: неужели с тех пор прошло три года? А кажется, что это было вчера. Они с Джеком посадили маленького Натана между собой, но не успели проехать и четверти пути, как Джек не удержался на краю санок и свалился. Мэгги хохотала до слез, глядя, как он кувыркается вниз по склону.

– Да, это и мое любимое Рождество, – сказала она, возвращая сыну тетрадку.

– И мое тоже, – вставил Джек. – Правда, я потом две недели хромял.

– А как вы танцевали! – поддразнил их Натан.

Взор Мэгги затуманился. Джек всегда любил танцевать, хоть и не умел. Недостаток грации он восполнял неудержимым задором.

– Твоя мама танцует лучше всех на свете, – сказал сыну Джек.

– Миссис Паттерсон тоже рассказала нам о своем любимом Рождестве. Ей тогда бабушка подарила очень красивые туфли, розовые, с бусинками. Миссис Паттерсон танцевала в них целый день. И даже спала в них, – поделился впечат-

лениями Натан.

– Наверное, они и правда были очень красивые, – согласилась Мэгги.

Тем временем Эвелин искупала Рейчел, завернула ее в пушистое полотенце и отнесла в детскую. Мэгги посмотрела на милое личико сына. Голубыми глазами и светлыми волосами он походил на отца. В наступившей тишине она почувствовала, что ей надо поговорить с Натаном о скором будущем. Мэгги понимала, что другой возможности побыть наедине с мальчиком у нее может не оказаться, но не знала, как начать разговор.

– Милый, ты не принесешь мне попить чего-нибудь теплого? – попросила она Джека, глазами умоляя его выйти из комнаты.

Догадавшись о намерениях жены, Джек подскочил со стула. Они уже не раз обсуждали, когда, что и как сказать Натану. Состояние Мэгги стремительно ухудшалось. Времени оставалось мало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.